
Вишнёвый сад на Грозовом утёсе
Я всегда буду рядом.
Оливия Ли

Ли Оливия

Вишневый сад на Грозовом утесе. Я всегда буду рядом

«Автор»
2026

Оливия Л.

Вишневый сад на Грозовом утесе. Я всегда буду рядом /
Л. Оливия — «Автор», 2026

После переезда из Москвы Оливии трудно привыкнуть к маленькому городу. В новой школе её встречают насмешками и травлей. Знакомство с Денисом Севериным меняет её жизнь: теперь есть кого ждать после уроков, с кем смеяться и говорить обо всём на свете. Даже скорость перестаёт пугать, когда можно крепче обнять его, сидя позади на мотоцикле.Впереди у них целое лето. В старом вишнёвом саду на Грозовом утёсе, высоко над рекой, они оставляют на дереве свои инициалы. Здесь, под раскаты грома, обещают друг другу не разлюбить, что бы ни случилось. И оба верят, что смогут сдержать слово.Но отец Дениса привык решать за сына. Он уже выбрал ему будущее — от учёбы в Лондоне до подходящей жены. Когда Дениса отправляют в Англию, их общие планы обрываются. Оливия ждёт вестей, а он пытается найти выход из жизни, которую ему навязали. Теперь каждому придётся понять, как сохранить любовь, когда нельзя даже поговорить друг с другом, и что они готовы сделать, чтобы снова быть вместе.

© Оливия Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Предисловие 6
Глава 1 Серый мир 7
Глава 2. Новенькая 15
Глава 3 Подъезд 23
Глава 4. Под цветущими вишнями 33
Глава 5. Дыши со мной 39
Глава 6. Чужими руками 47
Глава 7. Северин 55
Глава 8. Драйв 61
Глава 9. Разговор с отцом 75
Глава 10. Эта прекрасная пора 84
Конец ознакомительного фрагмента. 86

Вишневый сад на Грозовом утесе. Я всегда буду рядом

Книга I
Роман

Предисловие

«Что, если самое длинное путешествие в жизни — это дорога домой?»
Оливия Ли

Я долго мечтала, что однажды обязательно смогу рассказать эту историю. Но всякий раз, когда бралась за перо, понимала: есть воспоминания, к которым невозможно прикоснуться, не потревожив собственную душу.

Годы научили меня многому.

Терять.

Ждать.

Прощать.

Научили тому, что самые длинные дороги измеряются не километрами, а расстоянием между двумя сердцами.

Когда мне было семнадцать, я верила, что жизнь — это любовь, и чудо. Что впереди обязательно будут счастливые рассветы, новые города, бесконечные путешествия и человек, с которым не страшно идти куда угодно!

Я ещё не знала, что любовь никогда не приходит одна. Вместе с ней приходят испытания.

Разлука.

Выбор.

Память.

И дом, который однажды приходится искать не на карте, а внутри самого себя.

Но тогда...

Тогда всё было иначе.

Страна только училась жить заново. Взрослые старались не терять надежду.

А мы — мечтать.

Мы росли на переломе эпох.

Слишком маленькие, чтобы понимать, что происходит вокруг. И достаточно взрослые, чтобы навсегда запомнить запах весенних улиц, магнитофонные кассеты, старые автобусы, первые иностранные песни, школьные тетради с Леонарда Ди Каприо на обложках и ощущение, будто впереди нас обязательно ждёт огромное, счастливое будущее.

Наверное, каждое поколение думает именно так.

Что самое важное ещё впереди.

Что любовь непременно победит всё.

И никто не говорил нам, что иногда она требует слишком высокой цены.

А потом пришла та весна!

Весна, когда зацвели вишни.

И именно тогда я встретила его…

Глава 1 Серый мир

Много лет спустя Оливия будет вспоминать тот день совсем не таким, каким он казался ей тогда.

В памяти почти не останется ни дребезжания старой «Волги», ни маленьких покосившиеся деревень с ржавыми заборами и пустыми автобусными остановками, ни старого серого снега, похожего на грязную вату лежавшего по краям дороги и медленно проплывавшего за стеклом. Она забудет даже собственную злость — ту тяжёлую, подростковую уверенность, что отец одним своим решением вырвал её из настоящей жизни и везёт куда-то на край света.

Оливия прижалась лбом к холодному стеклу машины и смотрела на проплывающие мимо поля.

Бесконечные.

Мокрые.

Чёрные.

— Ну вот, мы почти приехали, — бодро сказал отец, удерживая старую служебную «Волгу» на разбитой дороге.

Мама тихо вздохнула и поправила воротник пальто.

Оливия ничего не ответила.

Москва осталась всего в нескольких часах езды, но расстояние уже ощущалось иначе — словно вместе с городом позади осталась привычная жизнь.

Широкие проспекты. Шум Садового кольца[1]. Круглосуточные палатки возле метро. Школа. Книжный магазин у дома. Подруги.

И то почти физическое чувство, что впереди — огромный мир.

Теперь впереди был маленький город во Владимирской области, куда её отец получил назначение мэром.

Город, название которого ещё недавно ничего для неё не значило.

— Пап, — сказала она наконец, не отрываясь от окна. — И зачем нормальные люди добровольно сюда переезжают?

Отец усмехнулся.

— Во-первых, не «сюда», а на ответственную должность. Во-вторых, кто-то должен приводить этот мир в порядок.

Машину ощутимо тряхнуло на очередной выбоине.

Оливия посмотрела на дорогу.

— Начни с дорог.

Отец рассмеялся — чуть громче, чем того заслуживала шутка.

Он всегда так смеялся, когда нервничал.

Она знала это с детства.

И знала другое: за этим нарочитым спокойствием скрывался человек, искренне веривший, что мир можно хотя бы понемногу делать лучше. Отец никогда не разговаривал с ней свысока, не отмахивался от её вопросов и не смеялся над мечтами, какими бы несбыточными они ни казались другим.

Наверное, поэтому рядом с ним ей самой хотелось верить в невозможное.

Оливия любила жизнь жадно, почти ненасытно.

Книги. Музыку. Дороги. Весенний ветер. Чужие города. Старые карты мира, над которыми могла сидеть часами.

Она представляла Нью-Йорк, Париж, Рим.

---

[1] Садовое кольцо — кольцевая магистраль, проходящая вокруг центральной части Москвы.

Но больше всего — океан.

Ей хотелось однажды увидеть линию, за которой уже нет земли. Услышать шум воды, уходящей куда-то за горизонт, и понять, что мир действительно настолько огромен, насколько ей всегда казалось.

Машина въехала в город ближе к вечеру.

Сначала потянулись длинные серые пятиэтажки. Потом мокрые после дождя улицы, редкие магазины, старые гаражи и огромный недостроенный кинотеатр Космос с выбитыми окнами.

На автобусной остановке стояла компания подростков.

Один курил.

Другой пил пиво прямо из бутылки.

Когда «Волга» проехала мимо, разговор на секунду стих, и несколько парней проводили машину долгими взглядами.

— Уже знают, что новый мэр приехал, — тихо сказала мама.

Возле хлебного ларька две женщины тоже замолчали. Одна чуть повернула голову вслед машине.

— Смотри-ка. Столичные.

— Ну теперь заживём, наверное, — отозвалась другая.

Сказано было без улыбки. Оливия отвернулась к окну.

До этого момента она думала о городе как о чём-то безличном — точке на карте, куда их просто занесло чужим решением.

Теперь у него словно появился голос.

И голос этот встречал их недоверчиво.

Лев Иванович продолжал ехать так, словно ничего не слышал.

Только пальцы на руле сжались чуть крепче.

У перекрёстка тучи неожиданно разошлись.

Солнце коснулось мокрых крыш, вспыхнуло в лужах и на несколько секунд преобразило улицу.

Оливия увидела вишню.

Небольшое дерево росло возле старого забора — ещё почти голого, почерневшего после зимы сада. Белые цветы казались особенно яркими среди сырой земли, серых домов и последних островков снега.

Она невольно улыбнулась.

Отец заметил.

— Что?

Оливия кивнула на дерево.

— Вишня.

Он посмотрел туда же и тоже улыбнулся.

— Значит, не всё здесь так плохо, Вишневская.

Она снова повернулась к окну.

Ветер шевельнул ветви, и несколько белых лепестков сорвались вниз.

Почему-то именно это маленькое дерево первым во всём городе не показалось ей чужим.

Квартиру им дали на самой окраине города.

Пятый этаж старой панельки. В подъезде пахло сыростью, кошками и дешёвыми сигаретами. Лифт не работал, и отец несколько раз поднимался и спускался по лестнице, перетаскивая чемоданы и коробки.

Когда он наконец повернул ключ в замке, Оливия остановилась на пороге.

Квартира встретила их холодом.

Не свежестью пустого помещения, а именно холодом — старым, въевшимся в бетон, стены и пол.

В комнатах почти ничего не было.

Ободранные обои.

Линолеум с тёмными прожжёнными пятнами.

Голая лампочка под потолком.

На кухне — перекошенный стол и два стула, оставленные прежними жильцами.

Вера Самуиловна медленно прошла в комнату.

Остановилась у окна.

Провела ладонью по подоконнику, посмотрела на серую пыль на пальцах и несколько секунд стояла неподвижно.

Потом села.

И заплакала.

Тихо.

Без всхлипов, без жалоб — просто закрыла лицо ладонями.

Оливия растерялась.

Маминых слёз она почти не видела.

Вера Самуиловна могла сердиться, повышать голос, спорить до хрипоты, хлопать дверьми. Могла за одну ночь собрать вещи, найти деньги, договориться, вытащить семью из очередной неприятности.

Но плакать при детях она себе почти никогда не позволяла.

Отец постоял посреди комнаты, глядя на неё.

Ничего не сказал.

Только снял пиджак и ушёл в коридор.

Через несколько минут раздался металлический скрежет.

Оливия выглянула.

— Пап, ты что делаешь?

— Обустраиваюсь.

— Это ты дверь снимаешь?

— Пока только одну.

К вечеру межкомнатные двери уже лежали на старых стульях.

Отец накрыл их сверху одеялами, отступил на шаг и с видом человека, завершившего серьёзный строительный проект, оглядел результат.

— Вот. Спать можно.

Мама посмотрела сначала на него, потом на две импровизированные кровати.

— Лёва...

— Что?

— Ничего.

Она вытерла глаза.

И впервые за весь вечер улыбнулась.

Совсем немного.

Этого оказалось достаточно.

Оливия села на край своей новой «кровати». Дверь под одеялом была жёсткой, холодной и слегка прогибалась под весом.

— Роскошно, — сказала она.

— Ещё спасибо скажешь, — отозвался отец. — Индивидуальный проект.

— Особенно ручка сбоку нравится.

Он рассмеялся.

И квартира на мгновение перестала казаться совсем безнадёжной.

В тот вечер они ужинали на кухне.

Мама достала из сумки чёрный хлеб, несколько варёных яиц и банку чего-то домашнего, заботливо завёрнутую ещё в Москве.

Хлеб она нарезала тонко.

Одинаковыми ломтиками.

Оливия смотрела на её руки и почему-то вспомнила, что точно так же мама резала хлеб много лет назад.

Когда еды действительно могло не хватить.

Вера Самуиловна всегда умела делить малое так, чтобы детям казалось, будто всего достаточно.

Если оставалось последнее яблоко — разрезала его между дочерьми.

Если на столе было мало еды, первая произносила:

— Я не хочу. Ешьте.

И только позже Оливия поняла, сколько раз это «не хочу» на самом деле означало совсем другое.

Девяностые сохранились в детской памяти короткими, несвязанными картинами.

Тёмные электрички.

Запотевшие окна.

Запах горячего теста и масла.

Мама с тяжёлыми сумками.

Рынок, где зимой мёрзли ноги.

Груды дешёвых вещей под полиэтиленом.

Деньги, которые взрослые пересчитывали по несколько раз перед кассой.

И фраза, звучавшая дома чаще многих других:

— Сначала девочкам.

Еду.

Фрукты.

Тёплую одежду.

Всё лучшее — сначала детям.

Мать бралась за любую работу.

Продавала пирожки в электричках.

Торговала на рынке.

Возвращалась домой поздно, с красными от холода руками, иногда настолько измотанная, что едва успевала снять пальто.

Но утром снова вставала.

— Упала лицом в грязь — подними голову и иди дальше, — говорила она.

Иногда сердито.

Иногда почти со злостью.

Словно сама жизнь стояла перед ней и только ждала, когда она наконец признает поражение.

Вера Самуиловна не признавала.

Поэтому её любовь редко была нежной.

Она проявлялась иначе.

В лишнем одеяле ночью.

В последнем куске хлеба, оставленном ребёнку.

В лекарствах, которые каким-то образом появлялись дома, даже когда денег почти не было.

В привычке первой вставать, когда случалась беда.

Наверное, именно поэтому воспоминание о той зимней ночи Оливия пронесла через всю жизнь.

Ей было шесть.

Она болела уже несколько дней.

Высокая температура почти не спадала, тело ломило, а комната то становилась огромной и далёкой, то снова сжималась вокруг кровати.

Мама кутала её в старые одеяла и время от времени прикладывала ладонь ко лбу.

Отец в тот вечер вёл себя необычно, почти не разговаривал.

Несколько раз подходил к телефону, но так и не позвонил.

А потом поздно вечером в дверь постучали.

Не позвонили.

Именно постучали.

Негромко.

Три коротких удара.

Отец остановился посреди комнаты.

Мама подняла голову.

Никто не спросил:

— Кто там?

За дверью послышались мужские голоса.

Сначала тихие, почти спокойные.

Потом один из них произнёс что-то громче.

Оливия не разобрала слов, но услышала, как изменилось дыхание матери.

Отец подошёл к двери.

Постоял несколько секунд, прислушиваясь.

И вернулся.

— На балкон, — сказал он.

Сестра удивлённо посмотрела на него.

— Пап...

— Обе. Быстро.

В его голосе не было ни раздражения, ни паники.

Только такая непривычная твёрдость, что спорить никто не стал.

Сестре было шестнадцать.

Оливии — шесть.

Она почти не держалась на ногах от температуры, и мама завернула её в одеяло прямо поверх ночной рубашки.

На балконе было очень холодно.

Отец открыл шкаф в коридоре и достал старую ракетницу.

Сестра побледнела.

— Пап...

Он вложил оружие ей в руки.

— Слушай меня внимательно.

Она смотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Если они войдут — стреляй.

Оливия запомнила эту фразу на всю жизнь.

Но ещё лучше запомнила отцовское лицо.

Она уже видела его сердитым.

Уставшим.

Раздражённым.

Видела, как он спорил, кричал, смеялся, хлопал дверью.

Таким — никогда.

Страх почти ничем себя не выдавал.

Только лицо стало жёстче, а движения — непривычно точными.

Он боялся не тех, кто стоял за дверью.

Он боялся того, что может произойти с его детьми, если эта дверь не выдержит.

Снаружи ударили сильнее.

Дверное полотно содрогнулось.

В подъезде заговорили уже без всякого притворного спокойствия.

Послышалась угроза.

Потом короткий мужской смех.

Мама стояла у балконной двери, облокотившись на нее спиной.

Бледная.

Руки дрожали.

— Мам...

— Всё хорошо.

Она сказала это слишком быстро.

Оливия посмотрела на сестру.

Та обеими руками держала тяжёлую ракетницу и смотрела на дверь.

Шестнадцать лет.

Через несколько лет у неё будет собственная семья, своя квартира, совсем другая жизнь.

Но той ночью она сама была ещё ребёнком.

Новый удар пришёлся в дверь.

Дерево затрещало возле замка.

Оливия вжалась спиной в холодную стену балкона.

Температура, ещё недавно казавшаяся самым страшным, что могло с ней случиться, куда-то исчезла из сознания.

Она смотрела во двор.

На заснеженные машины.

На жёлтые фонари.

На окна соседнего дома.

В одном из них работал телевизор — по стене двигались голубоватые отблески.

В другом женщина прошла по комнате с чашкой в руке.

На улице человек в тёмной шапке вёл собаку.

В нескольких метрах от их квартиры продолжался самый обыкновенный зимний вечер.

И от этого становилось ещё страшнее.

Потому что беда, оказывается, могла происходить совсем рядом с обычной жизнью.

За дверью снова заговорили.

Теперь громче.

Отец что-то ответил.

Оливия не разобрала слов.

Потом наступила пауза.

Такая долгая, что сестра сильнее сжала ракетницу.

Ещё несколько фраз.

Шаги.

Голоса начали удаляться вниз по лестнице.

Никто не шевельнулся.

Отец не открыл дверь сразу.

Подождал.

Прошла минута.

Потом ещё одна.

Только когда подъезд окончательно затих, он вернулся к балкону.

Мама первой открыла дверь.

— Всё?

Отец кивнул.

— Ушли.

Сестра всё ещё держала ракетницу.

— Отдай, — тихо сказал он.

Она протянула её отцу.

И только тогда Оливия заметила, как сильно у сестры дрожат руки.

Отец убрал оружие.

Потом подошёл к Оливии и присел перед ней на корточки.

Коснулся ладонью её горячего лба.

— Ну что ты, маленькая?

— Они вернутся?

Он задержался с ответом всего на мгновение.

— Сегодня нет.

Не «никогда».

Не «не бойся».

Сегодня.

Почему-то именно эта честность успокоила её сильнее любого обещания.

Мама увела девочек в комнату.

Отец остался возле повреждённой двери.

Долго возился с замком, поднимал с пола щепки, проверял петли.

Никто больше не говорил о том, что произошло.

В таких семьях страшное часто переживали именно так: сначала делали всё необходимое, а слова оставляли на потом.

Иногда — на много лет.

Только значительно позже Оливия узнает, зачем приходили те люди.

Отец не отдал деньги. Не долг в привычном смысле. Дань.

В те годы в городе платили многие владельцы магазинов, торговцы на рынке? перевозчики, предприниматели.

Даже те, кто по должности должен был защищать закон, нередко вынуждены были существовать рядом с другими правилами.

Одни соглашались.

Другие пытались сопротивляться.

Отец сопротивлялся и однажды расплачиваться за его упрямство едва не пришлось всей семье.

В памяти Оливии девяностые так и остались разделены на две жизни.

В одной мама продавала пирожки, отец ездил в геологические экспедиции, дети росли, смеялись и ждали праздников.

В другой взрослые понижали голос, когда речь заходила о деньгах, поздний стук заставлял замолчать всю квартиру, а шестнадцатилетней девочке могли вложить в руки ракетницу и велеть защищать младшую сестру.

Обе жизни существовали одновременно.

Спустя годы Оливия уже не могла вспоминать своё детство только как счастливое или только как страшное.

В нём было всё: любовь, страх и удивительная способность семьи проснуться на следующее утро, поставить чайник, нарезать хлеб и продолжить жить.

Мамино неизменное: «Упала — встань и иди».

И отец, который после самой страшной ночи всё равно утром ставил чайник и говорил, что жизнь продолжается.

Возможно, именно так Оливия и научилась главному: что бы ни происходило вокруг, жизнь нельзя откладывать до лучших времён.

Её нужно жить.

Сейчас!

Глава 2. Новенькая

Оливия стояла перед зеркалом в прихожей, пытаясь собрать длинные рыжие волосы в аккуратный хвост. Непослушные пряди выскальзывали из-под резинки, рассыпались по лицу, и стоило ей пригладить одну сторону, как другая немедленно теряла всякое подобие порядка. Она ослабила резинку, ещё раз пропустила волосы сквозь пальцы и, решив больше с ними не бороться, оставила несколько свободных прядей у висков.

Мать, проходившая мимо с чашкой чая, остановилась и оглядела дочь.

— Может, всё-таки заплетёшь косу?

— Мам, я уже в выпускном классе, а не в первом.

— Именно поэтому и говорю, — невозмутимо ответила Вера Самуиловна.

Оливия улыбнулась своему отражению. У матери имелось твёрдое мнение практически обо всём: от длины юбки до того, как следует правильно держать вилку. Спорить с ней из-за причёски было занятием заведомо бесполезным, тем более что впереди предстоял первый день в незнакомой школе.

От одной этой мысли в животе неприятно холодело. Перейти в другой класс в середине учебного года было бы нелегко, но появиться под самый конец одиннадцатого класса, когда одноклассники уже готовились к выпускным экзаменам, обсуждали поступление и считали оставшиеся до последнего звонка дни, казалось ей особенно неудачной идеей. Ведь здесь у каждого давно были друзья, воспоминания, свои привычные места за партами. А ей предстояло войти в эту тесную, сложившуюся за годы жизнь и, хоть и не надолго, но каким-то образом найти в ней место для себя.

Отец ждал в прихожей возле двери. В одной руке он держал её сумку, другой задумчиво проверял содержимое кармана своего пиджака. Увидев дочь, Лев Иванович сразу улыбнулся.

— Ну что, Лёка, готова покорять новые вершины? — Так ласково ее называл только он.

— Я бы предпочла начать с чего-нибудь менее героического. Например, дожить до конца первого урока.

— Скромная цель.

— Зато вполне достижимая.

Он рассмеялся, поправил воротник её джинсовой куртки и, придерживая за плечи, внимательно посмотрел ей в лицо.

— Не сутулься. И помни: люди часто боятся тех, кто не похож на остальных.

— Очень обнадёживающее напутствие для первого дня в новой школе.

— А я разве обещал, что будет легко?

Оливия покачала головой.

— Нет. Ты обещал, что здесь будет интересно.

— Так и будет.

— Надеюсь, не настолько, чтобы потом пришлось менять школу ещё раз.

Отец улыбнулся, протянул ей сумку и, уже когда она взялась за дверную ручку, добавил:

— Ты справишься, милая. Только не позволяй никому решать за тебя, какая ты.

Она обернулась. Лев Иванович стоял посреди почти пустой прихожей, высокий, немного сутулый после бессонной ночи, с усталым, но удивительно добрым лицом. Оливия подошла, быстро поцеловала его в щёку и вышла на лестницу.

Школа находилась почти в центре города. Старая трёхэтажная постройка с облупленной зелёной краской, широкими окнами и тяжёлыми входными дверями выглядела так, словно не одно поколение учеников уже пыталось оставить на ней свою подпись. На стенах возле крыльца темнели следы от мячей, у перил толпились старшеклассники, а из распахнутого окна первого этажа доносилась «Крошка моя» группы «Руки Вверх!».

Несколько мальчишек курили за углом, пряча сигареты в ладонях всякий раз, когда поблизости появлялся кто-нибудь из учителей. Девчонки оживлённо спорили о выпускных платьях. Кто-то торопливо переписывал домашнее задание прямо на широком подоконнике, придерживая раскрытую тетрадь локтем.

Оливия задержалась перед входом, вздохнула, поправила ремень сумки и переступила порог.

Внутри пахло свежими сосновыми опилками из кабинета труда, горячими булочками и влажными тряпками, которыми уборщица протирала пол перед началом занятий. По длинному коридору с грохотом пронеслись двое мальчишек, увлечённо споривших о волейбольном матче. Навстречу неторопливо шёл пожилой учитель географии, придерживая под мышкой потёртый глобус так бережно, словно боялся, что весь мир может случайно выскользнуть из его рук. У раскрытых окон теснились горшки с рассадой, а сквозняк шевелил листки объявлений, приколотые к стенду возле учительской.

Оливия вдруг почувствовала себя человеком, который вошёл в чужой спектакль уже после того, как поднялся занавес.

Школа жила своей обычной жизнью.

Когда она оказалась внутри, шум будто стал тише. Оливия почувствовала это сразу.

Взгляды.

Любопытные.

Настороженные.

Недобрые.

— Это она?

— Дочка нового мэра?

— Москвичка, говорят.

— Смотри какая…

Шёпот скользил за ней по длинному коридору, как холодный сквозняк.

Школьники переглядывались, толкали друг друга локтями, оборачивались ей вслед, словно она была не обыкновенной девушкой с тяжёлой сумкой, а диковинной птицей, случайно залетевшей в школьный коридор.

Оливия выпрямила спину и продолжила идти, стараясь смотреть прямо перед собой. Она прекрасно различала отдельные слова, интонации, и любопытство чужих людей, смешанное с откровенной неприязнью, это действовало ей на нервы сильнее, чем открытая грубость. Хотелось остановиться, повернуться и спросить, что именно в ней вызывает такой неподдельный интерес.

Однако она прошла мимо.

У кабинета литературы её встретила классная руководительница — невысокая женщина с короткой химической завивкой, яркой помадой и усталым, но приветливым лицом.

— Оливия Вишневская? Прекрасно. Пойдёмте, познакомлю вас с классом. У нас сейчас повторение перед выпускными экзаменами. Придётся быстро включаться.

Оливия кивнула и последовала за учителем в класс.

— Ребята, минуту внимания.

Разговоры оборвались не сразу. Кто-то продолжал шептаться на задней парте, скрипнул отодвигаемый стул, одна из девочек поспешно спрятала под учебник журнал мод. Но когда учительница отступила в сторону и Оливия оказалась перед классом, наступила тишина.

— Познакомьтесь. Оливия Вишневская. С сегодняшнего дня будет учиться вместе с вами.

Тридцать пар глаз одновременно обратились к ней.

— Всем привет. Меня зовут Оливия, я переехала из Москвы и теперь буду учиться с вами, приятно познакомиться.

Оливия терпеть не могла такие минуты. Стоять перед незнакомыми людьми и ждать, пока тебя молча разглядывают под лупой, было как-то особо унизительно. Она обвела взглядом аудиторию: деревянные парты, потёртая зелёная доска, выцветшие портреты писателей над шкафом, девочки в белых блузках, мальчишки, развалившиеся на стульях с самоуверенностью людей, которым осталось учиться всего несколько недель.

На третьем ряду у окна сидела маленькая, худая девушка с бесцветно-серыми волосами и поджатыми губами, она не отличалась красотой, узкое лицо с острым подбородком редко оживлялось улыбкой, а в светлых, почти прозрачных глазах застыло выражение недовольства, словно окружающий мир давно её разочаровал и уже ничем не мог заслужить прощения. Она не шепталась с соседками и не улыбалась, как остальные. Просто смотрела на Оливию, слегка склонив голову, с такой откровенной неприязнью, будто новенькая уже успела совершить против неё нечто непростительное.

Это была Юлия Торопышкина.

Она удивительно напомнила Оливии этот маленький город. Такая же серая, колючая, уставшая ещё до начала жизни.

Юлия же не сводила глаз с новенькой. С длинных медно-рыжих волос собранных в высокий хвост, с зелёных глаз, открытого лица, лёгкой, непринуждённой манеры держаться. Оливия была красива той естественной красотой, которой не нужно помогать ни нарядами, ни старательно растушеванной косметикой. Она стояла перед незнакомым классом, немного волнуясь, но не опускала головы и не пыталась угадать, какое впечатление производит.

Юля смотрела на неё с нарастающим раздражением. В привычном ей мире всё давно имело своё место: одних замечали, других не видели вовсе; одними восхищались, над другими смеялись. Она знала, как добиться внимания, как заставить окружающих прислушиваться к себе, как одним насмешливым замечанием превратить чужую неловкость в общее развлечение. И вот теперь весь класс смотрел на какую-то незнакомую девчонку, которой даже не приходилось стараться, чтобы оказаться в центре внимания.

Но дело было не только в красоте. Появление новенькой Торопышкина восприняла как личное оскорбление. Как вызов всему привычному миру, в котором она научилась чувствовать свое превосходство, заставляя других ощущать собственную незначительность.

В Оливии чувствовалась та свобода, которая особенно раздражает людей, привыкших считать собственные границы границами всего мира. Она приехала из Москвы, говорила уверенно, держалась независимо. И хуже всего было то, что рядом с этой девушкой Юля особенно остро ощутила собственную невзрачность.

Она медленно оглядела лицо, одежду, рюкзак Оливии и вновь подняла глаза. Уголок её рта дрогнул в короткой усмешке.

— Садись пока к Олесе Орловой, — предложила учительница. — Вон там, у окна, на второй парте.

Девушка с каштановыми волосами отодвинула учебники, освобождая место.

— Привет, — шепнула Оливия, садясь рядом.

— Привет. Я Олеся.

Они обменялись осторожными улыбками, после чего обе повернулись к доске.

На уроке повторяли Лермонтова.

Оливия открыла тетрадь и попыталась сосредоточиться. За окном ветер раскачивал ветви цветущей вишни, и белые лепестки, подхваченные сквозняком, время от времени залетали в открытое окно. Один опустился прямо на край её парты. Оливия машинально поймала его кончиками пальцев и улыбнулась.

— Оливия, — обратилась к ней учительница, — присоединяйтесь к обсуждению. Как вы понимаете характер Печорина[2]?

Она подняла голову.

— Печорина?

— Да. Мы говорим о причинах его поступков.

Оливия ненадолго задумалась, припоминая роман.

— Мне кажется, Печорин просто человек, которому слишком тесно в собственной жизни, — спокойно сказала она. — Такие люди часто разрушают всё вокруг не потому, что злые, а потому что не умеют быть счастливыми.

Она на мгновение замолчала.

— И самое печальное, что он это понимает. Видит, как причиняет боль, но ничего не меняет. Мне кажется, именно в этом его трагедия.

Учительница одобрительно кивнула.

— Интересное наблюдение. А можно ли, по-вашему, оправдать его поступки обстоятельствами?

— Объяснить можно. Оправдать — вряд ли. У человека всегда остаётся выбор, даже когда он делает вид, будто выбора нет.

С задней парты послышался приглушённый смешок.

— Выпендрилась, — бросил кто-то.

Оливия повернула голову, но не успела разглядеть говорившего.

— Продолжим, — спокойно сказала учительница, возвращая внимание класса к доске.

Олеся слегка толкнула Оливию локтем и, придвинув к ней раскрытую тетрадь, указала на записанный вопрос к экзамену. Оливия благодарно кивнула.

С этого момента урок пошёл легче. Она отвечала ещё несколько раз, записывала замечания преподавателя и старалась не обращать внимания на шёпот позади. Но всякий раз, когда поднимала голову, замечала взгляд Торопышкиной. Та не пыталась скрыть раздражения. Теперь она смотрела словно хищница которая терпеливо ждет удобного случая чтобы напасть.

На большой перемене он представился.

Оливия стояла возле окна, наблюдая за мальчишками, игравшими во дворе с потёртым футбольным мячом. В соседнем кабинете заиграла музыка, по коридору пронеслась компания девчонок, оставив после себя облачко сладких духов и оживлённый разговор о выпускных платьях.

— Чего лыбишься?

Оливия обернулась.

Перед ней стояли две девушки из класса. Одна лениво жевала жвачку, другая разглядывала её с нескрываемым любопытством.

— Просто весна красивая, — ответила Оливия.

Девушки переглянулись.

— Ты реально из Москвы?

— Да.

— И что, там все богатые?

Оливия невольно усмехнулась, вспомнив ободранные обои новой квартиры и межкомнатные двери, которые отец приспособил вместо кроватей.

— Нет. Там тоже живут обычные люди.

— А чего сюда приехали?

— Отца назначили.

— Мэром, что ли?

---

[2] Григорий Александрович Печорин — центральный персонаж романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».

— Да.

Девушка с жвачкой слегка приподняла брови и обменялась выразительным взглядом с подругой.

— Ну теперь понятно.

— Что именно? — спросила Оливия.

Но ответить ей не успели.

— Некоторые думают, что если приехали из Москвы, то теперь самые умные.

Голос прозвучал за спиной, и обе собеседницы мгновенно повернули головы.

Юля Торопышкина стояла у стены в окружении нескольких одноклассниц. Она не повышала голоса, но говорила достаточно отчётливо, чтобы разговор услышали все, кто находился поблизости.

— А некоторые вообще много о себе думают, — продолжила она, глядя прямо на Оливию. — Особенно когда строят из себя королеву.

Оливия медленно повернулась к ней.

— Ты всегда судишь о людях раньше, чем познакомишься с ними?

Кто-то тихо фыркнул. Юлины губы сжались.

— А мне обязательно с тобой знакомиться? Думаешь, раз папочка мэр, тебе тут всё можно?

— Вообще-то я ничего подобного не говорила.

— Зато вид у тебя такой.

— А какой у меня должен быть вид, чтобы тебя устраивал?

Рядом прокатился чей-то смешок.

Юля резко повернула голову в сторону смеявшихся, и те сразу замолчали. Затем снова посмотрела на Оливию.

— Ты тут недавно. Не успела ещё разобраться, как всё устроено.

— И как же?

— Поживёшь — узнаешь.

Несколько секунд девушки стояли друг напротив друга. Оливия видела, как Юля медленно сжимает пальцы, как напрягается её подбородок. Ей хотелось ответить ещё что-нибудь колкое, но ссориться в первый школьный день на глазах у одноклассников казалось занятием довольно глупым.

— Тогда, пожалуй, подожду, — ответила она. — У меня впереди экзамены. Есть дела поважнее.

Она повернулась к окну.

Юля вспыхнула.

— Да кому ты тут нужна вообще, Вишневская?

Оливия обернулась через плечо.

— Не знаю, но ты за сегодняшний день уделила мне столько внимания, что я уже начинаю сомневаться.

На этот раз смех раздался громче.

Юля шагнула к ней, однако прозвенел звонок, и коридор мгновенно пришёл в движение. Мимо потянулись ученики, загремели двери кабинетов, кто-то позвал Торопышкину по имени. Она остановилась, бросила на Оливию последний недобрый взгляд и резко развернулась.

— Ещё поговорим.

— Как скажешь, — отозвалась Оливия.

Она произнесла это достаточно спокойно, но только теперь заметила, как крепко сжимает пальцами край подоконника.

— Зря ты с ней так, — услышала она рядом.

Олеся стояла чуть поодаль, держа под мышкой тетради.

— Почему? — спросила Оливия, разжимая пальцы.

— Юлька не любит, когда над ней смеются.

— А над другими, значит, можно?

— По её мнению — да.

Олеся заговорила тише:

— Ты с ней осторожнее. Она сама редко лезет в неприятности. Обычно находит кого-нибудь, кто сделает всё за неё.

— Замечательная девушка.

— Просто ты её ещё не знаешь.

Оливия посмотрела вслед удаляющейся Юле, которая уже успела окружить себя подругами и что-то возбуждённо им рассказывала, то и дело оглядываясь назад.

— И, кажется, не очень хочу.

Олеся рассмеялась.

— Это правильное решение.

Они вместе направились к кабинету, разговорились сначала об учителях, потом об экзаменах, университете и выпускном, который класс собирался отмечать через несколько недель. Оказалось, Олеся мечтала уехать учиться, хотя пока не знала, куда именно. Она рассказывала быстро, перескакивая с одного предмета на другой, и Оливии нравилось, что рядом с ней не приходилось тщательно выбирать слова.

К последнему уроку они уже обменивались замечаниями на полях тетради и едва сдерживали смех, когда преподаватель в третий раз за десять минут повторил, что до экзаменов осталось совсем немного времени.

После занятий Олеся догнала Оливию на школьном крыльце.

День выдался тёплым. Солнечный свет ложился на старые фасады домов, на лужи в тени домов, раскрытые окна первого этажа. Откуда-то тянуло запахом жареной картошки, а возле продуктового магазина разгружали ящики с хлебом. Мужчина в синем рабочем халате громко спорил с водителем грузовика, перекрикивая стук металлических тележек.

Олеся предложила пройти через парк. Так было немного длиннее, зато не приходилось идти вдоль шумной дороги.

Они свернули на дорожку между старыми липами. Под ногами хрустел мелкий гравий, ветер шевелил молодую листву. На одной из скамеек сидели две пенсионерки с хозяйственными сумками и обсуждали героев сериала «Клон» с такой страстью, словно от него зависела их собственная судьба.

Оливия усмехнулась.

— У вас здесь, наверное, все друг о друге всё знают.

— Практически. Если ты сама чего-то о себе не знаешь, соседи обязательно расскажут.

Обе засмеялись.

Некоторое время они шли молча. Потом Оливия вспомнила утреннюю перепалку.

— Олесь, а почему Юля такая?

Олеся посмотрела на неё, и улыбка постепенно исчезла с её лица.

— Какая?

— Злая. Я ведь ей ничего не сделала. Даже не знакома с ней толком.

Олеся вздохнула, поправила тяжёлую сумку на плече и некоторое время смотрела себе под ноги.

— У неё дома всё плохо было. Отец ушёл, лет пять назад ещё.

— Развелись?

— Ушёл к другой женщине. К соседке из второго подъезда.

Оливия повернула к ней голову.

— Серьёзно?

— Представляешь? Даже город не поменял. Просто сменил квартиру.

В голосе Олеси не было насмешки. Она рассказывала об этом с той неловкой печалью, с какой говорят о чужой беде, слишком хорошо известной всем вокруг.

— Юлька после этого долго не могла спокойно во двор выйти. Отец идёт мимо с пакетами, со своей новой женщиной, будто ничего не случилось. А она стоит и смотрит. Иногда после школы специально кругами ходила, лишь бы не встретить его возле дома.

Оливия замедлила шаг.

Перед ней вдруг возникла совсем другая Юля: не язвительная девчонка, окружённая подругами, а маленькая девочка во дворе собственного дома, которая ждёт отца и вынуждена каждый день видеть, как тот возвращается уже не к ней.

— А мать? — спросила она.

— Мать сначала держалась. Потом устроилась на две работы. Днём в магазине, по ночам на складе. Деньги нужны были. А вечерами иногда выпивала. Потом чаще. Сама понимаешь, не от хорошей жизни.

Олеся ненадолго замолчала.

Они вышли из парка к ряду старых пятиэтажек. Во дворе мальчишки возились с велосипедом, перевернув его колёсами вверх. На балконе второго этажа женщина развешивала бельё, негромко переговариваясь с кем-то из квартиры.

— Юлька часто одна дома сидела, — продолжила она. — Уроки сама делала, еду разогревала. Мать приходила поздно, уставшая. Потом они ругались. Юля могла полночи плакать, а утром приходила в школу и делала вид, будто ей на всех плевать.

Оливия ничего не ответила.

Она снова вспомнила Юлино лицо, плотно сжатые губы и холодные серые глаза. И то, как мгновенно менялось поведение одноклассниц, стоило Торопышкиной заговорить.

— Но она ведь не одна такая, — тихо сказала Олеся. — У многих здесь дома всякое бывает. Только люди по-разному с этим справляются.

— А Юля решила, что ей теперь все должны?

Олеся грустно усмехнулась.

— Иногда мне кажется, что она вообще никому ничего не прощает. Даже того, в чём человек не виноват.

Оливия опустила взгляд на дорожку. Между плитками пробивалась молодая трава, упрямо раздвигая старый потрескавшийся бетон. В памяти всплыл материнский голос, когда-то прозвучавший при совершенно других обстоятельствах: «Упала — подними голову и иди дальше».

Мать тоже многое пережила. Работала до изнеможения, экономила на себе, возвращалась домой с замёрзшими руками, но никогда не вымещала свою усталость на чужих людях.

— Мне её жаль, — призналась Оливия после недолгого молчания. — Но это ведь не значит, что ей можно обижать всех подряд.

У следующего перекрёстка они остановились. Дальше их дороги расходились: Олесе нужно было направо, к старому двору за магазином, Оливии — прямо, мимо автобусной остановки.

— Слушай, а ты сегодня вечером занята?

— Смотря что предлагаешь.

— У нас ребята собираются. Посидим, поболтаем. Наташка гитару принесёт.

— Где собираются?

— Да тут недалеко, в подъезде одного дома. Не пугайся, у нас почти все так собираются.

Оливия посмотрела на неё с притворным сомнением.

— Ты ведь только что рассказывала, что здесь опасно связываться с некоторыми людьми.

— С Юлькой, — уточнила Олеся. — Гитара пока никому жизнь не испортила.

Оливия рассмеялась.

— Ладно. Только ненадолго.

— Вот и отлично. Зайду за тобой вечером.

Олеся махнула рукой и побежала через двор, ловко перепрыгивая через лужи.

Оливия проводила её взглядом и неторопливо направилась к дому. Улица была залита майским солнцем, где-то за домами стучал молоток, по тротуару важно вышагивал рыжий кот, совершенно равнодушный к спешившим мимо прохожим.

Она невольно улыбнулась и ускорила шаг. Дома её ждали учебники, а до выпускных экзаменов оставалось не так много времени.

Глава 3 Подъезд

Оливия успела раскрыть учебник литературы и даже прочитать несколько параграфов, когда в дверь позвонили. Из кухни послышался голос матери:

— Оливия, к тебе пришли!

В прихожей стояла Орлова. За плечом у неё висела небольшая кожаная сумка сшитая из разных кусочков «по моде», из которой выглядывал уголок потрёпанной тетради. Волосы она распустила, и теперь каштановые пряди мягко обрамляли лицо, делая её ещё милее. Улыбалась Олеся так открыто, словно они были знакомы не один школьный день, а по меньшей мере несколько лет.

— Ну что, пойдём? — спросила она.

— Уже иду.

— А куда это вы собрались? — поинтересовалась Вера Самуиловна, появляясь в дверях кухни.

— Недалеко, — поспешила объяснить Олеся. — У нас ребята собираются, гитару принесут. Просто посидим, музыку послушаем.

Мать оглядела её с головы до ног. Оливия прекрасно знала этот взгляд: за несколько секунд Вера Самуиловна умела составить о человеке мнение, изменить его дважды и окончательно решить, можно ли доверять ему собственную дочь.

— И где же вы собираетесь?

— В соседнем доме, — ответила Олеся. — На площадке между этажами. Там окно большое, места много.

— В подъезде, значит.

— Мам, — вмешалась Оливия, — мы ненадолго.

Вера Самуиловна перевела взгляд с дочери на гостью, немного помолчала и наконец отступила от двери.

— Хорошо. Только чтобы без приключений. И долго не гуляйте, у вас экзамены на носу.

— Обещаем, — почти одновременно ответили девушки.

На лестнице Оливия облегчённо выдохнула.

Они пересекли двор, обогнули старые гаражи и направились к соседней пятиэтажке.

— Ты Юльку сегодня нормально взбесила, — заметила Олеся, придерживая перед подругой тяжёлую подъездную дверь.

Оливия усмехнулась.

— Я даже ничего не сделала.

— В этом и проблема.

— Значит, мне следовало молча стоять и слушать, как она меня оскорбляет?

— Да нет же! — Олеся покачала головой. — Просто у нас с Юлькой стараются не связываться. Она привыкла, что ей никто не отвечает.

— Теперь придётся привыкать к чему-нибудь другому.

Олеся рассмеялась и первой начала подниматься по лестнице.

Голоса они услышали уже на втором этаже. Выше звучала музыка, временами её заглушал мужской смех. Пахло нагретой за день штукатуркой, табаком и чем-то сладким — вероятно, дешёвым вишнёвым соком, который кто-то разлил на ступенях.

На площадке между четвёртым и пятым этажами собралась небольшая компания. Ребята расположились прямо на широких ступенях, подложив под себя старые куртки и сложенные газеты. На подоконнике стоял магнитофон, рядом лежали пачки семечек, пластиковые стаканчики и несколько бутылок пива. Через большое пыльное окно был виден двор, постепенно погружавшийся в вечерние сумерки.

— О, Орлова! — раздалось откуда-то сверху. — А мы уж решили, что ты не придёшь.

На верхней ступеньке сидел высокий русоволосый парень в потёртой спортивной куртке. Коротко остриженные волосы топорщились на макушке, а на переносице виднелась старая тонкая царапина. Он лениво щёлкал семечки и с таким видом наблюдал за вошедшими, словно именно ему принадлежало право решать, кого принимать в компанию.

Увидев Оливию, парень приподнял брови.

— Это новенькая?

— Ага, — ответила Олеся. — Знакомьтесь, Оливия.

— Москвичка, значит.

— Получается, так.

Он окинул её насмешливым взглядом.

— О-о… Элита приехала.

По лестнице прокатился смех. Оливия выдержала небольшую паузу, оглядела облупленные стены, старые перила и устроившихся на ступеньках ребят.

— Если бы я была элитой, вряд ли сейчас сидела бы в подъезде.

Парень на секунду замолчал, а потом неожиданно расхохотался.

— Ладно, москвичка. Зачёт.

Он протянул ей руку.

— Вадик.

— Оливия.

Рукопожатие оказалось крепким, почти мальчишеским. Вадик тут же подвинулся, освобождая ей место на ступеньке, и предложил бутылку пива.

— Будешь?

— Нет, спасибо.

— У нас тут не ресторан. Другого ничего нет.

— Переживу.

Он снова усмехнулся.

— С характером, значит.

— А ты ожидал, что я буду плакать?

— После нашей школы? — Вадик покачал головой. — Не удивился бы.

Ребята засмеялись, и остатки неловкости постепенно исчезли. Оливия устроилась рядом с ним, поставила сумку возле перил и огляделась.

Напротив сидела девушка с синими тенями на веках, аккуратно подведёнными чёрным карандашом глазами и крупными серебристыми серьгами. Она время от времени поправляла короткую джинсовую юбку и спорила с соседним парнем о том, кто из местных музыкантов лучше играет на гитаре. Рядом устроились двое мальчишек: один худой, длиннорукий, в футболке с названием рок-группы, второй — коренастый, с густой чёлкой и неизменной ухмылкой.

Все говорили одновременно, перебивали друг друга, подшучивали над знакомыми, вспоминали школьные истории. Оливия довольно быстро перестала путаться в разговоре и даже начала отвечать на шутки.

— А имя у тебя настоящее? — неожиданно спросил худощавый парень.

— В смысле?

— Ну, Оливия. Необычное какое-то.

— Настоящее.

— И кто тебя так назвал?

— Папа любит книги читать.

— Оливия, — задумчиво повторил Вадик, словно пробуя её имя на слух. — Красиво звучит. У нас так никого не называют.

— Значит буду первая, — улыбнулась она.

— А ты, смотрю, быстро осваиваешься.

— Стараюсь. Хотя знакомство с местным населением пока проходит с переменным успехом.

— Это ты ещё со всеми не познакомилась, — усмехнулся Вадик. — У нас тут народ своеобразный.

Он хотел было что-то добавить, но Олеся, рассмеявшись, опередила его:

— Вадь, только не вздумай сейчас рассказывать ей все наши городские истории. Она ведь домой попросится.

— Ну, какие истории! — притворно возмутился он. — Я вообще-то пытаюсь произвести хорошее впечатление.

— Тогда тебе лучше помолчать, — посоветовала Олеся.

Вадик покачал головой, но спорить не стал. В компании разговор снова разошёлся по нескольким голосам: кто-то вспоминал школьный случай, кто-то спорил о музыке, снизу доносились шаги жильцов.

И вдруг среди этого шума прозвучала гитарная струна. Её негромкий, чуть дребезжащий звук поднялся под лестничные пролёты и растаял где-то наверху. Следом послышался второй, уже более глубокий.

Оливия подняла голову.

На широком подоконнике, подтянув одну ногу, сидела девушка лет восемнадцати. Густые тёмные волосы беспорядочными волнами спадали ей на плечи, открывая смуглое лицо с россыпью мелких веснушек. Большие карие глаза казались почти чёрными. На ней были короткая джинсовая юбка, синяя куртка с узорами и потёртые кеды с развязавшимся шнурком. В ушах поблёскивали яркие серьги с синими камешками, удивительно подходившие к её живому, немного озорному лицу.

Гитару Наташа держала свободно, привычно, будто та была продолжением её рук. Она осторожно подтянула колок, проверила звучание струны и, не обращая внимания на разговоры, продолжила перебирать аккорды.

— Подождите. Расстроилась совсем.

— Она у тебя всегда расстроенная, — поддел её Вадик.

Наташа подняла глаза.

— А ты всегда болтаешь. И ничего, живём же.

Компания одобрительно загудела.

— Это Наташка, — тихо пояснила Олеся. — Девушка Вадика.

Оливия взглянула на парня. Тот уже не щёлкал семечки и не отпускал шуточек. Он смотрел на Наташу с непривычно серьёзным выражением лица, будто боялся пропустить тот момент, когда она наконец начнёт петь.

Наташа тронула струны ещё раз, чуть склонила голову и запела:

— Это всё, что останется после меня…[3]

Голос у неё оказался негромким, с лёгкой хрипотцой, но чистым и удивительно выразительным. В нём слышалось что-то такое, отчего даже самая обычная знакомая песня вдруг начинала звучать иначе. Наташа не старалась понравиться слушателям. Просто пела, иногда прикрывая глаза, иногда переводя взгляд с одного лица на другое.

Постепенно стихли разговоры. Девушка с яркими тенями перестала поправлять волосы, мальчишки прекратили спорить, Вадик опустил руки на колени. Через несколько строк кто-то тихо присоединился к Наташе, затем подхватили остальные, и вскоре вся лестничная площадка уже негромко подпевала под гитару.

Оливия слушала, прислонившись плечом к прохладной стене.

---

[3] Строка из песни «Это всё…» группы «ДДТ»; автор музыки и текста — Юрий Шевчук.

Вечерний свет проникал через пыльное окно, ложился на ступени и старые перила. Внизу хлопнула подъездная дверь, загремели чьи-то шаги, но музыка продолжала звучать, постепенно заполняя всё пространство лестницы.

Олеся наклонилась к ней:

— Красиво поёт, правда?

— Очень.

— Они с родителями несколько лет назад сюда приехали. Кажется, с юга. Наташка всегда такая. Где бы ни оказалась, через пять минут уже найдёт, с кем петь.

Оливия улыбнулась.

В Наташе действительно чувствовалась необыкновенная непосредственность. Она могла посреди песни рассмеяться, если кто-нибудь сбивался с ритма, и тут же вновь увлечь всех своим голосом. Её энергия казалась совершенно естественной, лишённой всякого желания произвести впечатление, а улыбка была такой открытой, что у Оливии защемило сердце. За то недолгое время, которое она здесь прожила, она не видела чтобы кто-то так улыбался, в тёмных глазах Наташи отражалось понимание того, что мир гораздо больше этого двора, и этих пятиэтажек.

«Человека всё-таки невозможно сломать, если внутри него однажды зажёгся свет» - подумала Оливия..

Когда песня закончилась, на площадке поднялся шум. Наташу просили сыграть ещё, спорили, что именно, перебивали друг друга, вспоминали старые песни.

— Дайте человеку отдохнуть! — вмешался Вадик и потянулся к её гитаре.

— Руки убрал, — предупредила Наташа. — Последний раз ты её взял и струну порвал.

— Я хотел помочь.

— Вот именно поэтому больше не надо.

Оливия рассмеялась вместе со всеми.

В этот момент дверь квартиры на пятом этаже приоткрылась, и на лестницу выглянула пожилая женщина в домашнем халате.

— Ребята, вы там потише можете? У меня муж уже спит!

— Тёть Валя, мы негромко! — тут же отозвался Вадик.

— Знаю я ваше «негромко». В прошлый раз весь дом вместе с вами пел.

— Зато дружно!

Женщина не удержалась от улыбки, но всё же пригрозила пальцем.

— Смотрите у меня.

Дверь закрылась, оставив после себя запах домашних пирожков.

— Хорошо, что не дядя Коля вышел, — заметил кто-то.

— А что? Он бы ещё и баян принёс.

Смех снова прокатился по лестнице.

Оливия устроилась удобнее и неожиданно поймала себя на мысли, что уже не следит за каждым словом и движением. Ей не нужно было доказывать, что она ничем не отличается от остальных. Ребята шутили, спорили, перебивали её, как будто она давно принадлежала их компании. Когда Вадик снова отпускал очередную шутку про Москву, она отвечала ему тем же, и он, похоже, получал от этого искреннее удовольствие.

— А в Москве правда клубы всю ночь работают? — спросила Алина, девушка с синими тенями на веках.

— Некоторые.

— Офигеть! А у нас после одиннадцати даже поесть негде.

— Зато у вас можно собраться в подъезде и устроить концерт, — заметила Оливия.

— Это правда! — Вадик развёл руками. — Бесплатно, акустика отличная.

— И публика благодарная, — добавила Наташа.

— Особенно тётя Валя.

Наташа рассмеялась и отложила гитару.

Разговор постепенно перешёл на мотоциклы. Парни спорили о старых «Явах» и «Совах», которые ещё можно было увидеть во дворах, вспоминали чью-то разбитую фару и недавнюю ночную поездку на гонки за город. Вадик увлечённо рассказывал, как один его знакомый пытался завести мотоцикл после зимы и едва не поджёг собственные брюки.

— Да он просто криворукий! — заявил парень в черной футболке.

— Сам ты криворукий. Там карбюратор был виноват.

— Конечно. Во всём всегда виноват карбюратор.

Девушки слушали этот спор со скучающим видом, пока одна из них вдруг не спросила:

— А Северин-то приехал?

Вадик обернулся.

— Вроде да. Его вчера видели.

— На мотоцикле?

— А на чём ещё?

Разговор заметно оживился.

— Говорят, у него теперь новый.

— Да у него каждый год новый!

— У него отец при таких деньгах, что он хоть самолёт себе купить может, — заметил один из парней.

— Ты сначала на обычный мопед заработай, потом чужие самолёты считай, — отозвался Вадик.

Наташа негромко рассмеялась.

— Началось. Сейчас вы опять весь вечер будете одного Северина обсуждать.

— А что его обсуждать? — возразила Алина. — Красивый парень, богатый. Половина города по нему сохнет.

— А вторая половина врёт, что не сохнет, — немедленно добавил Вадик.

Девчонки возмущённо загудели.

Оливия, до этого молча слушавшая разговор, вопросительно посмотрела на Олесю.

— А кто такой Северин?

Та повернулась к ней с таким удивлением, словно Оливия только что призналась, что никогда не слышала о море.

— Ты серьёзно? Ну в смысле это Денис Северин, — произнесла Олеся с усмешкой. — Главная проблема всех девочек нашего города.

— Почему?

— Потому что половина мечтает с ним познакомиться, — объяснила Наташа. — А те, кто знаком, мечтают, чтобы он на них посмотрел.

— Только он, по-моему, об этом даже не догадывается, — добавил кто-то.

— Прекрасно догадывается, — возразил Вадик. — Просто ему всё равно.

Оливия улыбнулась.

— Вы так рассказываете, будто это какой-нибудь кинозвезда.

— Нет, — покачала головой Олеся. — Он старше нас. Ему девятнадцать. Его семья раньше здесь жила, потом они уехали в Москву. Сейчас он учится где-то заграницей, но каждый год приезжает в наш город.

— А зачем?

Олеся немного помедлила.

— Его мама была отсюда и у нее здесь остался дом в вишневом саду за городом на берегу реки. Денис поддерживает его, чтобы не разрушился, приезжает летом, живет в нем и в гонках

участвует. Это уже стало традицией. Все девчонки города ждут начало нового мотосезона – усмехнулась она.

— Оливия перестала улыбаться.

— А его мама умерла?

— Да наверняка никто не знает, что с ней случилось, темная история. Она просто исчезла. Поэтому Северина старшего здесь особо не жалуют, бояться. Люди разное болтают, кто-то говорит что бандит, кто-то что очень жестокий человек. Я его лично никогда не видела.

Несколько секунд Оливия молчала. В словах Олеси неожиданно открылась другая сторона истории, которую ребята до этого обсуждали с таким восторгом. За дорогими мотоциклами и чужими девичьими мечтами стоял молодой человек, приезжавший в этот город к тому, что связывало его с воспоминаниями о матери.

Но девчонки уже вновь заговорили наперебой.

— Зато какой он красивый, — мечтательно вздохнула Алина. — Я его видела прошлым летом. Глаза такие…

— Какие? — полюбопытствовала Оливия.

— Карие. Но на солнце прямо янтарные.

— Ага, прям янтарем горят, — поддел её Вадик.

— Иди ты!

Все рассмеялись.

— Слушайте, — неожиданно вспомнил коренастый парень, — а Юлька-то знает, что Северин приехал?

Вадик громко хохотнул.

— Вот кому надо сообщить!

Олеся покачала головой.

— Только не вздумайте. Она и без вас всё узнает.

— Да она, наверное, уже у окна дежурит, — заметила Наташа.

Оливия посмотрела на подругу.

— Какая Юля?

— Торопышкина, — ответила Олеся.

— Наша?

— Ага.

Оливия удивлённо подняла брови.

— И при чём здесь она?

Ребята переглянулись. Вадик с удовольствием откинулся к перилам.

— Да Юлька в него влюблена. Уже сколько лет, никто не помнит.

— Она ещё в девятом классе всем говорила, что «уедет» за него замуж, — добавила девушка с синими тенями.

— А сам Северин в курсе?

Вадик расхохотался.

— Вот это самый интересный вопрос!

Наташа тоже улыбнулась.

— Он с ней здоровается, когда встречает. По-моему, на этом их отношения и заканчиваются.

— А Юлька всё ждёт, — сказал Вадик. — Как он приезжает, так сразу начинается: кто видел, где видел, с кем был…

— Вадик, хватит уже, — вмешалась Наташа. — Это вообще-то не наше дело.

Он поднял руки.

— Всё, молчу.

Оливия задумчиво покачала головой.

Вот, значит, каким человеком оказался этот загадочный Северин, из-за которого столько шума. Красивый, богатый, увлечённый мотоциклами и, судя по рассказам, совершенно равнодушный к вниманию местных девушек. Она попыталась представить его, но получилось что-то неопределённое: дорогая куртка, самоуверенная улыбка и компания восторженных поклонниц.

— Ну и что в нём такого особенного? — спросила она.

Вадик хитро прищурился.

— А ты сама посмотри, когда встретишь.

— И что тогда?

— Потом расскажешь.

Наташа легонько толкнула его плечом.

— Ну перестань, а то девчонка решит, что у нас тут других парней вообще нет.

— Есть, — невозмутимо согласился Вадик. — Я, например.

— Ты занят, — напомнила она ему.

— Какая жалость.

Он притянул её за руку к себе, и она, смеясь, опустилась рядом.

Разговор продолжился. Кто-то предложил собраться на выходных у старого карьера, но остальные почти сразу отказались: вода ещё была холодной, а до выпускного оставалось немногим около месяца.

Оливия посмотрела в окно. Вечер уже окончательно вступил в свои права. Над двором горели фонари, в открытых окнах мелькали силуэты жильцов, а за гаражами на фоне темнеющего неба чернели верхушки тополей.

— Олесь, мне, наверное, пора.

— Уже?

— Мама просила ненадолго.

Олеся поднялась вместе с ней. Наташа отложила гитару и протянула Оливии руку.

— Приходи ещё.

— С удовольствием. Ты очень красиво поёшь.

— Спасибо, — улыбнулась Наташа. — А в следующий раз сама что-нибудь споёшь.

— Вот это уже опасное предложение.

— Ничего, — вмешался Вадик. — После моего пения никого не испугаешь.

Оливия рассмеялась, попрощалась с ребятами и направилась вниз по лестнице.

На улице было прохладнее. Ветер тронул волосы, донёс откуда-то запах свежескошенной травы. Они с Олесей пошли через двор, обсуждая Наташину гитару, Вадиковы шутки и предстоящие школьные экзамены. Оливия слушала подругу и время от времени смеялась, вспоминая вечер.

У её подъезда Олеся остановилась.

— Ну что? Не пожалела?

— Нет. Ребята хорошие.

— Я же говорила.

— Только Вадик у вас невозможный.

— Привыкнешь. На самом деле он добрый. Просто любит изображать из себя самого главного.

Оливия улыбнулась.

— Уже заметила.

Они попрощались. Олеся побежала домой, а Оливия поднялась по лестнице, стараясь не шуметь.

Квартира встретила её приглушённым светом из кухни. Мать ещё не спала, перебирала какие-то бумаги за столом. Увидев дочь, она подняла голову.

— Ну как, погуляла?

— Хорошо.

— Нормальные ребята?

— Вполне. Один даже решил, что я из элиты.

Вера Самуиловна удивлённо посмотрела на неё.

— Из какой ещё элиты?

— Долго объяснять, мам.

Оливия рассмеялась, поцеловала мать в щёку и ушла к себе.

Перед сном она ещё немного посидела с учебником, но мысли постоянно возвращались к разговору на лестнице: к Наташиной гитаре, к Вадику, к смеху ребят и особенно к неожиданному рассказу о Юле Торопышкиной.

В школе Юля держалась так, словно весь мир был обязан считаться с её мнением. Оказывается, существовал человек, перед которым и сама она, похоже, теряла всю свою самоуверенность.

Оливия усмехнулась, закрыла учебник и погасила свет.

На следующее утро она пришла в школу вместе с Олесей.

Та всю дорогу рассказывала о предстоящем выпускном. Девчонки никак не могли договориться, где его отмечать, мальчишки предлагали совершенно неподходящие места, а классная руководительница требовала наконец определиться и перестать спорить из-за каждой мелочи.

Оливия слушала, отвечала на вопросы, иногда смеялась. После вчерашнего вечера в школе появились знакомые лица и несколько ребят из параллельного класса поздоровались с ней, и она с удовольствием ответила.

Но стоило войти в кабинет, как хорошее настроение начало понемногу исчезать.

Юля Торопышкина сидела на своём месте у окна. Перед ней лежал раскрытый учебник, но она даже не взглянула на него, когда появилась Оливия. Её внимание сразу сосредоточилось на новенькой и Олесе, которые о чём-то разговаривали, сдерживая смех.

— Смотрю, быстро освоилась, Вишневская, — громко заметила Юля.

Оливия остановилась возле парты.

— Доброе утро и тебе.

— Уже подружек себе нашла?

— Представь себе.

— Быстро ты.

— А у нас знакомство по расписанию должно происходить?

Несколько человек поблизости засмеялись. Юля поджала губы.

— Я просто удивляюсь, как некоторые умеют сразу всем понравиться.

— А я никого не заставляю.

Олеся осторожно потянула подругу за рукав.

— Ладно тебе. Пошли сядем.

Оливия пожала плечами и направилась к своему месту. Но за спиной вновь раздался Юлин голос:

— Конечно, в Москве вас, наверное, этому специально учат. Как людей вокруг себя собирать.

Оливия остановилась.

Она могла бы промолчать. Наверное, так было бы разумнее всего. Но за два дня эта девушка успела сделать из её появления в школе настоящее представление, и терпение постепенно истощалось.

Оливия медленно повернулась.

— Юля, скажи, пожалуйста, у тебя ко мне есть какая-то конкретная претензия?

Торопышкина вскинула подбородок.

— А ты что, уже испугалась?

— Нет. Просто хочу понять, почему тебя так интересует моя жизнь.

— Не льсти себе.

— Тогда перестань обсуждать меня при каждом удобном случае.

В классе стало тише.

Юля поднялась со своего места.

— Ты вообще кто такая, чтобы указывать мне, что делать?

— А ты кто такая, чтобы решать, с кем мне дружить и как себя вести?

Несколько секунд девушки смотрели друг на друга. Юля побледнела, затем на её скулах проступили неровные красные пятна.

— Не воображай о себе много, Вишневская. Здесь тебя никто не знает.

— Вот именно. Никто не знает. Но ты уже всё обо мне решила.

— Думаешь, раз красиво говорить научилась, так самая умная?

— Я ничего подобного не думаю.

— Да ну?

— Мне вообще неинтересно соревноваться с тобой, Юля.

В последних словах не было насмешки. Оливия произнесла их спокойно, но Торопышкину это, кажется, разозлило ещё сильнее. Ей хотелось вывести новенькую из себя, заставить оправдываться, повысить голос или хотя бы показать, что её слова действительно задевают. Однако Оливия стояла перед ней с таким выражением лица, будто происходящее уже начало её утомлять.

— Посмотрим, как ты дальше запоёшь, — процедила Юля.

В этот момент в кабинет вошла учительница.

— Так, девочки, что у нас происходит?

— Ничего, — одновременно ответили они.

Олеся поспешно раскрыла учебник, а Оливия села на своё место.

Урок начался, но сосредоточиться оказалось непросто. Оливия записывала объяснения преподавателя, старалась следить за тем, что происходило у доски, однако раздражение не проходило. Ей предстояло сдавать экзамены, готовиться к поступлению, привыкать к новому дому. А теперь ещё приходилось ежедневно выдерживать чью-то необъяснимую ненависть.

Когда прозвенел последний звонок, Оливия одной из первых закрыла тетрадь.

— Ты домой? — спросила Олеся.

— Да.

— Я сегодня задержусь в школе, учительница просила помочь разобрать материалы к экзаменам.

— Без проблем.

Олеся внимательно посмотрела на неё.

— Ты из-за Юльки расстроилась?

Оливия не ответила сразу. Потом устало улыбнулась.

— Немного. Просто никак не пойму, чего она от меня хочет.

— Чтобы ты её боялась.

— Боюсь, с этим у неё будут сложности.

Олеся рассмеялась, но тут же посерьёзнела.

— Всё равно будь осторожнее. Она не любит проигрывать.

Оливия покачала головой, обняла подругу на прощание и направилась к выходу.

Спустившись по широким ступеням она остановилась на крыльце.

Майский день был тёплым. После душного класса воздух казался особенно свежим. Ветер шевелил молодую листву, на асфальте лежали подвижные тени деревьев.

Оливия поправила волосы и пошла домой.

Обычно она выбирала короткую дорогу мимо автобусной остановки, но сегодня туда совершенно не хотелось. Ей нужно было пройтись, привести мысли в порядок и хоть ненадолго остаться одной.

Глава 4. Под цветущими вишнями

Оливия свернула на тихую улицу, тянувшуюся вдоль старых садов, и только тогда позволила себе немного замедлить шаг. После школьной духоты и неприятного разговора с Юлей хотелось по скорее оказаться дома, бросить сумку в угол и хотя бы на час забыть о существовании Торопышкиной.

За поворотом начиналась старая вишнёвая аллея.

Деревья росли по обе стороны дороги, сближаясь ветвями над узким тротуаром. Их тёмные, искривлённые временем стволы почти терялись под обилием цветов, и казалось, что вся улица укрыта лёгким белоснежным сводом. Ветер свободно проходил между ветвей, тревожил соцветия, срывал отдельные лепестки, которые неторопливо кружились над дорожкой и оседали на траве, на влажных после утреннего полива клумбах, на крышах припаркованных автомобилей.

Оливия остановилась.

От цветущих деревьев исходил тонкий, едва уловимый аромат. Где-то в глубине сада перекликались птицы, за невысоким забором негромко стучали садовые ножницы. Сквозь листву на тротуар ложились подвижные солнечные пятна. И после школьного коридора, наполненного чужими голосами, насмешками и бесконечным шёпотом, здесь было удивительно хорошо и спокойно.

Она вдохнула поглубже и почувствовала, как постепенно отпускает напряжение. Даже тяжёлая сумка уже не так оттягивала плечо. Улыбнувшись чему-то своему, Оливия тронулась дальше, придерживая рукой подол светлого кружевного платья, которое мать сшила ей ещё зимой. Вера Самуиловна тогда долго возилась с выкройкой, несколько раз переделывала ворот, сердито распарывала неудачные швы, зато теперь платье сидело безупречно. Оливия любила его за лёгкость, за тонкое кружево на рукавах и за то, как красиво ткань двигалась при ходьбе.

Она подняла руку, убирая с лица рыжую прядь, и в этот момент увидела молодого человека, идущего ей навстречу.

Высокий, широкоплечий, в светлой рубашке с небрежно расстёгнутым воротом и тёмных брюках, он заметно выделялся среди редких прохожих. Густые, слегка волнистые волосы были аккуратно подстрижены, но ветер успел их слегка растрепать. В его движениях чувствовалась привычная уверенность, а лицо с правильными, выразительными чертами сохраняло спокойное, почти сосредоточенное выражение.

Оливия задержала на нём взгляд дольше, чем собиралась.

И почти сразу встретилась с его глазами.

Карие, необыкновенного тёплого оттенка, они напоминали крепкий янтарный виски на свету. Но удивил её не столько цвет, сколько внимательность, с которой незнакомец смотрел на неё. В этом взгляде не было ни нагловатого любопытства, к которому она уже успела привыкнуть в школе, ни той оценивающей мужской самоуверенности, от которой хотелось немедленно отвернуться.

Он смотрел открыто, серьёзно, с едва заметным удивлением, словно среди обычной майской улицы ему неожиданно встретилось что-то что его удивило.

Денис заметил Оливию раньше, чем понял это сам, он замедлил шаг так резко, будто его окликнули

Сначала он увидел вспышку рыжих волос среди белых вишен. Потом — её саму.

Белое кружевное платье мягко обрисовывало тонкую талию, лёгкую, гибкую фигуру. Рыжие волосы рассыпались по плечам тяжёлыми медными прядями, на светлой коже проступали веснушки — мелкие, золотистые, будто россыпь звёзд. Она была удивительно юной и в

то же время уже совсем женственной. Не нарядной, не старательно красивой. Просто такой, что взгляд задерживался сам.

В ней было что-то от самой весны — свет, движение, свежесть, та почти безрассудная жажда жизни.

А потом он увидел глаза.

Эти глаза...

Зелёные. Нет, одного этого слова было недостаточно, чтобы передать всё богатство их оттенков: молодой листвы, пронизанной солнцем, нежной травы после дождя, с мазками золотистых искр у самого зрачка.

Что-то в облике этой девушки встревожило его память. Не лицо, не платье, не рыжие волосы сами по себе, а трудноуловимое ощущение давнего, почти забытого знакомства. Он не мог объяснить, откуда оно взялось, и чем дольше смотрел, тем настойчивее хотелось понять.

Оливия заметила его улыбку.

И неожиданно ответила своей.

Совсем немного, одними уголками губ. От этой случайной улыбки Денис ощутил лёгкое замешательство, почти ему незнакомое. Он привык легко знакомиться с людьми, разговаривать, шутить, находить нужные слова. Но сейчас, когда до девушки оставалось всего несколько шагов, не придумал ничего, что могло бы прозвучать естественно.

Они поравнялись.

На несколько мгновений мир вокруг словно перестал существовать. Не стало города, шума, прохожих, весны. Осталось только странное чувство узнавания, от которого у обоих вдруг замерло сердце.

Оливия уловила лёгкий запах мужского парфюма, смешавшийся с ароматом вишнёвого цвета, заметила, как солнечный блик скользнул по его скуле, как на мгновение дрогнула улыбка. Всё это заняло каких-нибудь две-три секунды, но показались вечностью.

Они прошли мимо друг друга.

И почти одновременно обернулись.

Оливия даже не успела смутиться от собственного поступка. Молодой человек тоже посмотрел на нее. В его лице появилось неподдельное удивление, а затем он улыбнулся шире, с неожиданной теплотой, которая совершенно изменила прежнее серьёзное выражение.

Она тихо рассмеялась.

Не над ним. Над собой, над нелепостью происходящего, над тем, что оба они стояли посреди улицы и смотрели друг на друга, не имея для этого никакого разумного повода.

Денис смотрел на неё так, словно увидел не девушку на весенней улице, а собственную судьбу.

Он развернулся, сделал несколько шагов в сторону дороги.

И вдруг остановился.

Что-то давно забытое, хранившееся в самой глубине души, неожиданно отозвалось в нём с такой силой, что на мгновение он перестал видеть аллею перед собой.

Память неожиданно вернула его в далёкий летний день. Ему было всего пять, когда отец увозил его в Лондон. Денис почти не помнил дороги, но прощание с матерью и братом осталось в нём до мельчайших подробностей: её заплаканное лицо, дрожащие руки, которыми она прижимала его к себе, и собственный отчаянный плач, когда отец наконец разнял их объятия. Он не понимал, почему мама не едет с ними, почему нельзя остаться, и всё повторял, что хочет к ней. Позже ему скажут, что мама и брат погибли, и то прощание навсегда останется в его памяти последней встречей с ними. А тогда он сбежал от отца к маленькому пруду неподалёку от парка, сел на берегу, обхватив колени, и горько заплакал. Сквозь слёзы он не сразу заметил маленькую рыжеволосую девочку, остановившуюся рядом. «Мальчик, почему ты плачешь?»

— спросила она, заглядывая ему в лицо. Денис молчал, и тогда девочка раскрыла ладошку, на которой лежала спелая вишня. «Хочешь вишню?»

Он осторожно взял ягоду за тонкий черешок и едва слышно поблагодарил её. Девочка улыбнулась и присела рядом на траву, словно они были давно знакомы. Она больше ни о чём не спрашивала, а он понемногу перестал плакать, всё ещё сжимая в ладони подаренную вишню. С годами многое из того дня поблёкло в его памяти, но не эта короткая встреча. Среди боли и растерянности, когда ему казалось, что он остался совсем один, рядом вдруг оказалась маленькая незнакомка с добрыми зелёными глазами. Она ничего не знала о его беде и ничем не могла помочь, но поделилась тем, что у неё было, и просто посидела с ним. И почему-то именно это он запомнил на всю жизнь.

Денис снова медленно обернулся. И сейчас, глядя вслед рыжеволосой незнакомке, почувствовал нечто поразительно похожее.

Неужели из-за глаз? Из-за улыбки? Или из-за той непринуждённой доброты, которая когда-то заставила маленькую девочку подойти к плачущему мальчику, не зная, чем ему помочь?

Он не мог ответить.

Ему хотелось догнать девушку, спросить имя, узнать, откуда она взялась в этом городе, почему раньше он её здесь не встречал. Но она уже отвернулась и пошла дальше, слегка смущённая собственной непосредственностью.

Он только лишь проводил её взглядом.

Ветер снова прошёл по аллее, подхватил лёгкие белые лепестки и унёс их вслед удалявшейся девушке. Несколько задержались в её волосах, один опустился на плечо светлого платья. Она не заметила и продолжала идти, пока не исчезла между деревьями.

Денис ещё немного постоял на месте.

«Если она сейчас исчезнет за поворотом, я буду искать эти глаза всю жизнь», — подумал он.

Мысль была неожиданной, совершенно нелепой, и он невольно усмехнулся. Что за чепуха могла прийти ему в голову из-за случайной встречи? Он даже имени её не знал.

И всё же, прежде чем продолжить путь, ещё раз посмотрел туда, где она скрылась.

Оливия между тем шла домой, улыбаясь вопреки всем попыткам придать лицу серьёзное выражение. Перед глазами снова возникало лицо незнакомца, тёмные волосы, глаза необыкновенного янтарного оттенка. Она пыталась вспомнить, смотрел ли он на неё с самого начала или только после того, как заметил её внимание, и каждый раз возвращалась к тому мгновению, когда оба обернулись.

— Ну ты даёшь, Вишневская, — тихо пробормотала она и покачала головой.

Ещё недавно её занимала исключительно школьная ссора. Теперь воспоминание о Юле куда-то отступило. Над головой шумели деревья, по тротуару скользили тени ветвей, и Оливии неожиданно захотелось идти медленнее, продлить эту прогулку хотя бы на несколько минут.

Она так и не заметила девушку, стоявшую у угла старого дома.

Юлия собиралась идти к автобусной остановке, но, увидев знакомую фигуру на аллее, невольно остановилась. А когда заметила молодого человека, шедшего навстречу Вишневской, сердце у неё болезненно сжалось.

Денис Северин.

Юля знала его много лет. Помнила ещё подростком, высоким, темноволосым, с неизменной насмешливой улыбкой, от которой девчонки теряли способность связно говорить. Помнила все его приезды, шумные компании возле мотоциклов, рассказы о Лондоне, дорогие машины, появлявшиеся у центрального сквера.

Ей нравилось в нём всё. Его внешность, уверенность, сдержанная манера разговаривать и даже то равнодушие, с которым он принимал многочисленные знаки девичьего внимания.

Северин мог улыбнуться, перекинуться несколькими словами, пошутить. Но затем уходил, оставляя за собой столько несбыточных надежд, что очередного его приезда девушки ждали с ещё большим нетерпением.

Юля не была исключением.

Каждый раз, когда она слышала, что Денис приехал, её привычная жизнь наполнялась ожиданием. Она подолгу выбирала одежду, придумывала случайные поводы оказаться там, где могли собраться его друзья, старательно изображала равнодушие, стоило кому-нибудь заговорить о нём.

Ничего не происходило.

Северин относился к ней вежливо, как к любой знакомой девушке. И Юля постепенно научилась находить в этом утешение. Он ведь никого не выделял. Не её одну. Всех остальных тоже.

До сегодняшнего дня.

Теперь она стояла за углом старого дома и смотрела, как Денис замедляет шаг перед какой-то рыжей москвичкой.

Как улыбается ей.

Как та отвечает.

И как оба, уже разминувшись, вдруг оборачиваются друг к другу.

Юля почувствовала, как ногти больно впиваются в ладонь.

А Оливия...

Оливия ничего этого, кажется, не понимала. Улыбнулась ему, потом рассмеялась и пошла своей дорогой, оставив Северина стоять среди цветущих вишен.

Юля едва удержалась, чтобы не выйти из-за угла.

— Да что она о себе возомнила?

Какое право имела эта девчонка, появившаяся в городе несколько дней назад, получить то, о чём другие мечтали годами?

Вишневская не старалась обратить на себя внимание. Не искала встречи, не подбирала слова, не придумывала ничего, чтобы понравиться Денису. Просто шла по улице в своём кружевном платьице, с распущенными рыжими волосами, и улыбалась так, будто вся жизнь принадлежала ей одной.

Юля медленно отвернулась.

В груди разливалась мучительная обида, она почувствовала, как к глазам подступают злые слёзы. Она раздражённо моргнула, не позволяя им пролиться.

Нет. Только не плакать.

Не из-за неё.

Не из-за этой рыжей выскочки, которой и без того всё доставалось без усилий.

Она резко развернулась и пошла прочь. Каблуки громко стучали по неровному асфальту, плечо оттягивала школьная сумка. Юля шла быстро, почти не разбирая дороги, и каждый раз, когда перед глазами вновь возникала улыбка Дениса, злость поднималась с новой силой.

«Ну все Вишневская! Тебе конец!»

На следующий день она почти не слушала учителей.

С самого утра Торопышкина пребывала в дурном настроении. Несколько раз резко оборвала подруг, отказалась идти с ними в столовую, а когда одна из девочек завела разговор о предстоящем выпускном, огрызнулась так зло, что та предпочла пересесть на другое место.

Юля сидела у окна и следила за Вишневской.

Оливия, ничего не подозревая, обсуждала что-то с Олесей. Иногда смеялась, иногда склонялась над тетрадью, поправляя выбившиеся из причёски пряди. Внешне она оставалась прежней. И это распаляло Юлю ещё сильнее.

К последнему уроку злость уже требовала выхода. Юля несколько раз посмотрела на часы, нетерпеливо перевернула страницу учебника, потом захлопнула его и уставилась в окно. Ей хотелось сделать что-нибудь немедленно, заставить Вишневскую хотя бы ненадолго потерять свою самоуверенность, почувствовать страх, унижение, беспомощность.

Решение пришло неожиданно.

Едва прозвенел звонок, Юля схватила куртку и, даже не потрудившись её надеть, торопливо вышла из класса. Она почти бегом пересекла коридор, спустилась по лестнице и оказалась на улице. Несколько раз оглянулась, проверяя, не идёт ли следом кто-нибудь из знакомых, затем свернула за школьный спортзал.

За старыми гаражами было безлюдно, если не считать небольшой компании местных парней. Их хорошо знали в городе: они постоянно крутились возле рынка, собирали деньги с младших, задирали прохожих и любили называть себя хозяевами района. Даже взрослые предпочитали лишний раз с ними не связываться.

Трое стояли у бетонной стены, курили и о чём-то негромко переговаривались. Возле их ног валялась пустая бутылка, на капоте старого автомобиля лежали пачка сигарет и несколько ключей. Приближение Юли заметили сразу. Разговор оборвался, и все трое с любопытством повернули к ней головы.

— О, Юлька, — протянул один. — Ты чего здесь?

Юля не ответила. Она остановилась перед самым высоким из парней.

Славка Князев был широкоплечим, крепко сложенным, с коротко остриженной головой и тяжёлым взглядом исподлобья. Старый чёрный спортивный костюм с тремя белыми полосками по бокам сидел на нём мешковато, на шее поблёскивала толстая металлическая цепочка. Он стоял чуть впереди остальных, лениво щёлкая семечки, и даже не пытался скрыть удовольствия от того, что к нему пришли с каким-то делом.

— Слав, отойдём?

Он прищурился.

— А чего такое?

— Поговорить надо.

Славка переглянулся с приятелями, выплюнул шелуху и неохотно оттолкнулся от стены.

— Ну пошли.

Они завернули за угол гаража. Юля остановилась, ещё раз посмотрела через плечо и резко повернулась к нему.

— Денег хочешь?

Славка усмехнулся.

— Смотря сколько.

— Нормально.

— А делать что?

Юля бросила взгляд в сторону школьного двора. У ворот как раз появились Оливия с Олесей. Они шли рядом, о чём-то оживлённо разговаривая. Вишневская вдруг рассмеялась и откинула с лица рыжие волосы, вспыхнувшие под ярким майским солнцем.

У Юли болезненно свело челюсти.

— Вишневскую знаешь?

Славка проследил за её взглядом.

— Рыжую?

— Её.

— Ну?

Юля достала из кармана несколько сложенных купюр и протянула ему.

— Проучи её немного.

Славка приподнял бровь.

— Это как?

— Не знаю! — раздражённо бросила Юля. — Главное, чтобы корону сняла. Надоело уже смотреть, как она тут из себя неизвестно кого строит. Ну придумай что-нибудь! Ты ж у нас самый умный!

Он взял деньги, неторопливо пересчитал и снова посмотрел в сторону школьных ворот.

Оливия уже скрывалась за поворотом.

Славка усмехнулся.

— Ну ладно.

— Только чтоб поняла, — добавила Юля. — Чтобы больше не выпендривалась.

— Сказал же, понял.

Он убрал деньги в карман и направился обратно к приятелям.

Юля некоторое время оставалась за углом гаража. Ветер трепал не застёгнутую куртку, доносил с территории школы голоса учеников и глухие удары мяча о стену спортзала.

Она глубоко вдохнула.

В груди наконец стало немного легче. Унизительное чувство собственного бессилия, мучившее её со вчерашнего дня, ненадолго отступило. Теперь ей казалось, что она хотя бы что-то сделала, восстановила нарушенный порядок, заставила обстоятельства вновь подчиниться её воле.

Юля поправила волосы и направилась домой.

Она не спросила Славку, как именно он собирается проучить Вишневскую.

А Славка не стал объяснять.

Глава 5. Дыши со мной

Олеся в тот день не пришла в школу. Оказалось, что ещё ночью у неё поднялась температура, и мать оставила её дома. Без неё занятия тянулись мучительно долго. Оливия добросовестно отвечала у доски, записывала объяснения учителей, старалась сосредоточиться на подготовке к выпускным экзаменам, но мысли упрямо возвращались ко вчерашней встрече. Стоило на мгновение отвлечься, и перед глазами вновь возникала залитая солнцем вишнёвая аллея, незнакомец в светлой рубашке, и та удивительная улыбка, которой они обменялись, уже разойдясь в разные стороны. Они ведь даже не заговорили друг с другом, не узнали имён, а эти несколько мгновений почему-то запомнились с такой отчётливостью, словно всё остальное, случившееся вчера, было лишь незначительным предисловием к ним. Оливия одёргивала себя, возвращалась к тетрадям, старательно вникала в слова учителей, однако вскоре снова ловила себя на том, что смотрит в окно, рассеянно водя ручкой по полям. К последнему уроку она окончательно утомилась от бесплодных попыток сосредоточиться и с досадой обнаружила, что из всего услышанного за день запомнила до обидного мало.

После занятий она задержалась в школьной библиотеке. До экзаменов оставалось совсем немного времени. Библиотекарь помогла подобрать необходимые книги, и Оливия ещё почти час просидела над тетрадями, прежде чем наконец захлопнула учебник.

Когда она вышла на улицу, день уже клонился к вечеру. Солнце опускалось к крышам пятиэтажек. Со двора доносился скрип старых качелей. Оливия шла быстро, прижимая к боку тяжёлую сумку с учебниками. После долгого нахождения в библиотеке приятно было чувствовать прохладный ветер на лице, слышать привычные вечерние звуки и знать, что впереди несколько часов, которые она сможет наконец отдохнуть.

Возле дома она ненадолго остановилась, поправила сползавшую с плеча сумку и вошла в подъезд.

Тяжёлая дверь захлопнулась за спиной с глухим металлическим стуком. Здесь, как всегда, пахло сыростью, старой краской и сигаретами. Из подвального помещения тянуло прохладой, где-то за стеной мерно гудела водопроводная труба. Оливия машинально нажала на выключатель. Лампочка под потолком не загорелась.

Она досадливо вздохнула. За последние дни в этом подъезде свет пропадал уже несколько раз.

На первую площадку падал ещё достаточно яркий вечерний свет из окна. Выше лестница уходила в полумрак. Оливия привычно взялась за перила и начала подниматься, осторожно обходя выщербленные края ступеней.

На втором пролёте ей послышался какой-то звук.

Она остановилась.

Где-то наверху скрипнула подошва.

— Кто здесь? — спросила Оливия.

Ответа не последовало.

Она прислушалась. За дверью одной из квартир негромко работал телевизор, внизу хлопнула входная дверь, потом снова стало тихо. Оливия пожала плечами и поднялась ещё на несколько ступеней.

Из темноты между этажами вышел человек.

Он появился неожиданно, заслонив собой узкий проход. Оливия невольно отступила и крепче ухватилась за перила.

Перед ней стоял Славка Князев.

Она видела его прежде возле школьных гаражей и знала по рассказам Олеси. Высокий, крепкий, с коротко остриженной головой и тяжёлым, нагловатым взглядом, он носил неизмен-

ный чёрный спортивный костюм с тремя белыми полосками по бокам. Сейчас куртка была расстёгнута, а лицо неприятно раскраснелось. В одной руке он держал сигарету, другой лениво опирался на перила.

— Ну что попалась, москвичка, — протянул он.

Оливия ничего не ответила. Её насторожило выражение его лица и то, как нарочито неторопливо он перегородил дорогу.

— Ты чего молчишь? Испугалась?

— Дай пройти, — сказала она, стараясь говорить спокойно.

— А поздороваться?

Он усмехнулся и сделал шаг навстречу.

От него резко пахнуло водкой, табаком и несвежей одеждой. Оливия поморщилась, инстинктивно отступая.

— Молодой человек, мне домой нужно.

— Домой? — Он насмешливо приподнял брови. — А поговорить?

— Нам не о чем разговаривать.

Она попыталась обойти его справа, но Славка переступил на ту же сторону, снова преграждая путь.

Оливия остановилась.

— Отойди.

— А то что?

В его голосе уже не было ничего шутливого.

Она посмотрела вниз. До входной двери оставалось два лестничных пролёта. Можно было развернуться и побежать, но Славка стоял близко, почти касаясь её плечом. Наверху, за его спиной, находилась следующая площадка и лестница.

— Слушай, я не знаю, что тебе от меня нужно, — произнесла она, — но я сейчас позову родителей.

Славка рассмеялся.

— Зови. Думаешь, я твоего папочку боюсь?

Он выбросил сигарету на ступени и медленно наступил на неё своим грязным кроссовком.

— Ты у нас, говорят, королева? Из Москвы приехала, на всех свысока смотришь?

У Оливии неприятно похолодело под рёбрами.

Королева.

Слово было знакомым. За последние дни она не раз слышала похожие насмешки от Юли Торопышкиной.

— Кто тебе это сказал?

— А тебе какая разница?

Он придвинулся ещё ближе.

— Корону-то снимать будем?

Оливия резко отступила, задевая локтем стену.

— Не подходи ко мне!

Славка ухмыльнулся.

— О, какая грозная.

Она попыталась проскользнуть мимо, но он неожиданно схватил её за запястье.

Боль обожгла руку.

— Пусти!

— Да постой ты!

Он дёрнул её к себе. Тяжёлая сумка соскользнула с плеча, ударилась о ступеньку и раскрылась. Книги и тетради рассыпались по лестнице.

Оливия рванулась в сторону, пытаясь освободиться, но Славка перехватил её за вторую руку и грубо прижал к стене.

Затылок ударился о бетон.

На мгновение перед глазами вспыхнули белые искры.

Она судорожно вдохнула, но воздух словно застрял где-то в груди. Под лопатками ощущалась шероховатая холодная штукатурка, а перед самым лицом было чужое, перекошенное ухмылкой лицо.

— Пусти меня! — закричала она.

Славка только крепче сжал её запястья.

— Чего орёшь? Я ж поговорить хотел.

— Убери руки!

Она попыталась ударить его коленом, но он успел отстраниться и с силой прижал её плечом к стене.

— Тише ты, ненормальная!

Оливия почувствовала, как внутри поднимается паника. Не сразу — сначала ещё оставалась злость, желание вырваться, ударить, оттолкнуть. Но чем сильнее она сопротивлялась, тем явственнее ощущала разницу между ними. Он был тяжелее, сильнее, и её попытки освободиться, казалось, только раззадоривали его.

Она закричала снова.

— Помогите! Кто-нибудь!

В ответ за дверью соседней квартиры продолжал работать телевизор.

Никто не вышел.

Славка резко зажал ей рот ладонью.

— Заткнись!

Оливия дёрнулась, пытаясь отвернуть лицо. Его пальцы больно впились в щёку, ладонь придавила губы. Она не могла ни закричать, ни нормально вдохнуть. От него нестерпимо пахло алкоголем. Она слышала его тяжёлое дыхание, чувствовала, как он грубо удерживает её, как под его пальцами натягивается ткань блузки.

Когда раздался сухой треск рвущегося шва, Оливия поняла, что он вовсе не собирается ограничиваться угрозами.

Страх ударил с такой силой, что у неё потемнело в глазах.

Она забилась, пытаясь освободить руки, царапала его, упиралась ногами в ступени. Славка выругался и ещё сильнее вдавил её в стену. Одна из заколок выскользнула из волос, упала на бетон и с тихим звоном покатилась вниз.

Этот маленький звук почему-то запомнился ей особенно отчётливо.

Он засмеялся.

Грязно. Страшно.

— Чего ты ломаешься - то?

Оливия начала вырываться изо всех сил, но он был сильнее.

Гораздо сильнее.

Она почувствовала, как его пальцы впиваются ей в лицо закрывая рот, как трещит ткань блузки, как резко он задрал её юбку прижимая к стене всем своим телом. А потом его грубая рука полезла ей под неё стягивая трусы.

И в ту секунду внутри Оливии всё оборвалось от ужаса.

Она начала биться, царапаться, задыхаясь от паники.

— Помогите!..

Славка резко зажал ей рот ладонью еще сильнее.

— Тихо, сука!

У Оливии потемнело в глазах.

А потом она услышала шаги.

Быстрые, тяжёлые, поднимавшиеся по лестнице снизу.

Славка тоже услышал их, но не успел обернуться.

Кто-то схватил его за плечо и с такой силой рванул назад, что его руки разжались.

Оливия едва удержалась на ногах.

Перед ней мелькнула черная кожаная куртка, раздался глухой удар, и Славка отлетел к противоположной стене. Он попытался выпрямиться, но второй удар сбил его с ног. С грохотом ударившись о ступени, он остался лежать, тяжело хватая ртом воздух.

Всё произошло так быстро, что Оливия не успела понять, откуда взялся человек, стоявший теперь между ней и Славкой.

Она медленно сползла по стене, ее всю трясло.

Она увидела его не сразу сначала только спину.

Высокую фигуру. Напряжённые плечи. Сжатые кулаки.

А потом он повернулся.

Оливия узнала его сразу.

Тот самый незнакомец с вишнёвой аллеи.

Тёмные волосы, знакомое лицо.

Но сейчас в этих глазах не осталось ни тени той тёплой, чуть удивлённой улыбки, которую она помнила со вчерашнего дня. Взгляд был жёстким, почти страшным. Скулы напряглись, на щеке резко обозначилась мышца, и Оливия вдруг увидела, как мучительно он сдерживает ярость.

— Ты что творишь, мразь? — произнёс он негромко.

Славка застонал, пытаясь подняться, но сознание его стало покидать.

Парень сделал движение в его сторону, но тут услышал, как Оливия судорожно втянула воздух.

Денис мгновенно обернулся.

— Эй...

В голосе его уже не было прежней жёсткости.

Он шагнул ближе, но Оливия невольно отшатнулась.

Денис остановился.

Несколько секунд смотрел на неё, затем медленно разжал руки.

— Всё. Он тебя больше не тронет.

Она попыталась ответить, но вместо слов из груди вырвался короткий, рваный вдох.

Её трясло.

Она не понимала, почему не может перестать дрожать. Славка больше не держал её, опасность, казалось, миновала, но тело по-прежнему не слушалось. Пальцы онемели, ноги подкашивались, а сердце билось так сильно, что собственный пульс отдавался в висках.

Она машинально прижала к груди повреждённую блузку и посмотрела на лестницу, где несколько минут назад лежали её книги. Одна тетрадь раскрылась на середине, исписанные страницы примялись под чужим ботинком.

И вдруг от этого обыкновенного зрелища ей захотелось плакать.

Парень опустился перед ней на корточки, оставляя между ними небольшое расстояние.

— Посмотри на меня.

Она подняла глаза, но взгляд тут же скользнул мимо него.

— Слышишь? На меня посмотри.

Оливия попыталась сосредоточиться на его лице.

— Вот так. Молодец.

Он говорил спокойно, негромко, не торопя её.

— Дыши со мной.

Она судорожно втянула воздух.

— Не спеши. Смотри на меня. Вдох...

Он медленно вдохнул, показывая ей.

— Теперь выдох.

Она попыталась повторить, но дыхание снова сорвалось.

— Не получается... — прошептала Оливия.

— Получится. Я здесь. Давай ещё раз.

Он подождал, пока её взгляд наконец остановился на его глазах, и снова медленно вдохнул.

Оливия повторила.

Потом ещё раз.

Постепенно воздух начал проходить глубже. Исчезло мучительное ощущение, будто грудь стянута тугим обручем. Она всё ещё дрожала, но теперь могла хотя бы произнести несколько слов.

— Я... я не...

Губы снова задрожали.

— Не надо ничего объяснять, — тихо сказал парень. — Успокойся.

Она опустила голову.

Всё, что произошло за последние несколько минут, вдруг навалилось одновременно: запах водки, грубые руки, холод стены, невозможность закричать. Ей казалось, что стоит закрыть глаза — и Славка снова окажется перед ней.

Денис заметил, как она вся сжалась, и осторожно снял с себя лёгкую куртку.

— Можно?

Она кивнула.

Он бережно накинул куртку ей на плечи, не приближаясь больше необходимого. Оливия машинально прикрылась ею, спрятав разорванную на груди блузку.

— Ты ударилась головой? — спросил он.

Она прикоснулась к затылку.

— Немного...

— Сильно болит?

— Не знаю.

Её голос прозвучал так растерянно, что он на мгновение закрыл глаза, собираясь с силами.

— Хорошо. Сейчас посидим немного. Потом поднимемся. Ты ведь здесь живёшь?

Оливия кивнула.

В этот момент со стороны лестницы послышался сиплый стон.

Славка пошевелился.

Он сел, опираясь рукой о ступеньку, и попытался подняться. По его лицу расползалось багровое пятно, губа была разбита.

— Ты... ты чего, придурок... — прохрипел он.

Денис медленно выпрямился.

Оливия заметила, как вновь изменилось его лицо. Он ещё секунду назад говорил с ней тихо, почти ласково, а теперь смотрел на Славку с такой холодной яростью, что тот невольно попятился.

— Что ты здесь забыл, урод??

Славка сплюнул кровь.

— Да пошёл ты.

Денис шагнул к нему и с ноги ударил прямо в живот.

— Да ладно, ладно. Никто!

— Решил подкараулить девушку в подъезде?

Славка попытался подняться, но Денис схватил его за ворот спортивной куртки и рывком поставил на ноги.

— Отвечай.

— Отвали!

Денис ударил его еще раз.

Славка захрипел, вцепившись пальцами в чужую руку.

— Торопышкина! — выкрикнул Славка. — Юлька, психованная эта! Она денег дала! Сказала проучить новенькую, чтоб корону сняла! Я-то думал...

— Что ты думал?

Славка замолчал.

У Оливии похолодели руки.

Она смотрела на них, едва понимая смысл услышанного.

Юля.

В памяти промелькнули её презрительные взгляды, насмешки в школьном коридоре, угроза на перемене. Оливия знала, что Торопышкина её ненавидит. Но одно дело — язвительные слова, школьные ссоры, злые шутки. И совсем другое — человек, который только что лапал ее, прижимал к стене и закрывал рот ладонью.

Она почувствовала, как снова перехватывает дыхание.

Неужели Юля действительно заплатила ему за это?

Денис резко отпустил Славку.

Тот пошатнулся, едва удержавшись за перила.

— Убирайся.

— Слушай, Денис, я...

— Исчезни.

Он произнёс это таким голосом, что Славка осёкся.

Несколько секунд они смотрели друг на друга, затем Князев отвёл глаза, выругался сквозь зубы и поспешно двинулся вниз по лестнице. Его шаги гулко отдавались в подъезде, пока наконец не хлопнула входная дверь.

Денис ещё немного стоял неподвижно, прислушиваясь.

Только убедившись, что Славка ушёл, он повернулся к Оливии.

Она по-прежнему сидела на ступеньке, запахнув чужую куртку. Лицо побледнело, глаза были широко раскрыты, а нижняя губа мелко дрожала. Казалось, она даже не замечала, что по щеке медленно катится слеза.

Денис подошёл и присел рядом.

— Ты меня слышишь?

Оливия кивнула.

— Хорошо. Идти сможешь?

Она попыталась встать, но ноги неожиданно ослабели, и ей пришлось ухватиться за стену.

Денис сразу протянул руку, однако остановился, заметив её испуганное движение.

— Я помогу, если позволишь.

Несколько мгновений она смотрела на его ладонь.

Большую, сильную, с едва заметными ссадинами на костяшках пальцев.

И наконец осторожно вложила в неё свою.

Он помог ей подняться.

Оливия сделала шаг, потом ещё один. Лестница вдруг показалась непривычно длинной. Она старалась смотреть под ноги, считала ступени, прислушивалась к собственному дыханию и никак не могла избавиться от ощущения, что кто-то снова появится из темноты.

Денис остановился, поднял её сумку и начал собирать рассыпавшиеся по ступенькам книги. Оливия хотела помочь, но он покачал головой:

— Я сам.

Она стояла у перил и смотрела, как он аккуратно подбирает тетради, расправляет помятые страницы, укладывает учебники один за другим. Его движения были спокойными и точными, словно он занимался самым обычным делом.

Наконец Денис застегнул сумку и подошёл к ней.

— Пойдём.

До пятого этажа они поднимались медленно. Оливия временами останавливалась, и тогда он терпеливо ждал, не задавая лишних вопросов. Только однажды, когда она невольно оглянулась вниз, негромко сказал:

— Он ушёл. Я проверил.

Она кивнула, крепче запахнув куртку.

На последней площадке Оливия остановилась перед дверью квартиры. Достала из сумки ключи, но пальцы всё ещё слушались плохо. Металл тихо звякнул о замочную скважину.

Денис стоял рядом, не вмешиваясь.

— Здесь? — спросил он.

— Да.

Она наконец попала ключом в замок, но не повернула его. Вместо этого прислонилась плечом к двери и посмотрела на молодого человека, который несколько минут назад ворвался в её кошмар.

Теперь, когда можно было спокойно разглядеть его лицо, Оливия без труда узнала того самого незнакомца из вишнёвой аллеи.

Те же глаза только сейчас в них было столько тревоги и сдерживаемого волнения, что она неожиданно почувствовала себя ещё более растерянной.

— Спасибо, — прошептала она.

Денис покачал головой.

— Не нужно.

Оливия опустила глаза.

Некоторое время они молчали. За дверью квартиры было тихо. Подъезд вновь казался совершенно обыкновенным, и от этого Оливии было трудно поверить, что всё случившееся произошло именно здесь.

— Как тебя зовут? — спросил он.

Она подняла голову.

— Оливия. Оливия Вишневская.

Он чуть улыбнулся.

— Красивое имя.

— А тебя?

— Денис. Денис Северин.

Оливия замерла.

Северин.

Перед глазами промелькнули ребята в подъезде, Наташина гитара, насмешливый голос Вадика, рассказы о странном парне, по которому сохла половина городских девчонок.

Вот, значит, кто стоял перед ней.

Только сейчас все эти разговоры казались удивительно далёкими и не имеющими никакого отношения к человеку, который спас ее от подонка, помог справиться с паникой и терпеливо проводил до двери.

Она осторожно провела пальцами по краю его куртки хотела снять и протянуть ему, но тут же почувствовала стыд из-за разорванной блузки.

— Я потом верну...

— Не торопись.

Он посмотрел на её побледневшее лицо, на всё ещё дрожащие руки и добавил:

— Оливия, тебе нужно отдохнуть. И обязательно скажи родителям, что произошло. Особенно про удар головой.

Она кивнула, хотя сейчас с трудом представляла, как сумеет рассказать всё это вслух.

Денис уже собирался уходить, когда она вдруг остановила его:

— Подожди...

Он обернулся.

Оливия несколько секунд искала слова. В голове всё ещё путались мысли, но один вопрос, возникший ещё там, на лестнице, никак не давал ей покоя.

— Как ты оказался здесь?

Денис посмотрел на неё.

В его глазах мелькнуло что-то удивительно тёплое, почти мальчишеское. Он улыбнулся — той самой улыбкой, которую она запомнила среди цветущих вишен.

— Потому что искал тебя.

Глава 6. Чужими руками

Когда Оливия вошла в квартиру, мать сразу поняла, что что-то случилось. Она вышла из кухни, на ходу вытирая руки полотенцем, и остановилась посреди прихожей. Дочь стояла перед ней непривычно бледная, в чужой мужской куртке, которую даже не пыталась снять. Рыжие волосы растрепались, на щеке виднелось красное пятно, а руки заметно дрожали.

— Оливия, что произошло?

— Мам, только не пугайся…

Но Вера Самуиловна уже подошла ближе и, заметив багровые следы на её запястье, осторожно взяла дочь за руку.

— Кто это сделал?

Оливия отвела глаза, с трудом сглотнула и наконец произнесла:

— Ко мне в подъезде пристал один парень. Пьяный. Не хотел пропускать, схватил за руки… Я пыталась вырваться, ударилась головой о стену.

— Господи… — Мать побледнела. — И что потом?

— Потом появился какой-то парень. Он его оттащил.

— Какой ещё парень?

— Не знаю, Денис кажется. Он мне помог, проводил до квартиры. Мам, со мной всё хорошо.

Вера Самуиловна внимательно посмотрела на дочь, затем на чужую куртку, которой та по-прежнему прикрывала грудь. Оливия невольно запахнула её плотнее.

— Лёва! — позвала мать, и от непривычного звучания её голоса у Оливии вновь сжалось сердце.

Отец появился в дверях кухни. Увидев жену и дочь, он сразу перестал улыбаться.

— Что случилось?

Оливия повторила рассказ, стараясь говорить как можно спокойнее. О том, как Славка перегородил ей дорогу, схватил за руки, прижал к стене. О Денисе, который оказался рядом. Но о разорванной блузке, грубых прикосновениях и том ужасе, который она испытала, когда поняла настоящие намерения Князева, не смогла вымолвить ни слова.

Лев Иванович слушал молча. Только лицо его постепенно менялось, становясь непривычно суровым.

— Фамилия этого парня?

— Князев. Славка Князев.

Отец медленно выпрямился.

— Сейчас поедем в больницу. А потом я позвоню в милицию.

— Пап, нет!

Он удивлённо посмотрел на неё.

— Что значит «нет», Лёка?

— Пожалуйста, не надо в милицию.

— Тебя подкараулили в собственном подъезде, схватили, ударили головой о стену, а ты просишь меня ничего не делать?

— Я не говорю ничего не делать. Просто… — Оливия замолчала, пытаясь собраться с мыслями. — Пап, я здесь всего неделю. На меня и так все смотрят, обсуждают каждое слово, каждый шаг. А если ты сейчас вмешаешься, завтра об этом будет говорить вся школа.

— Пусть говорят. Меня сейчас меньше всего волнуют их разговоры.

— Но меня волнуют! — Она невольно повысила голос и тут же осеклась. — Я ведь потом должна буду туда ходить. Сдавать экзамены, сидеть с ними в одном классе. Ты представляешь, что начнётся, если все узнают?

Отец провёл ладонью по лицу и тяжело опустился на стул. Оливия подошла ближе.

— И тебе это тоже ни к чему, пап. Ты только начал работать. Здесь и без того недовольны, что назначили человека из Москвы. А теперь ещё пойдут разговоры, что мэр использует своё положение, чтобы разбираться с местными мальчишками из-за дочери.

— Лёка, — перебил он, — ты действительно думаешь, что я стану выбирать между своей работой и твоей безопасностью?

Она опустила глаза.

— Нет. Поэтому и прошу тебя.

Некоторое время отец молчал. Вера Самуиловна стояла у стола, сжав в руках полотенце, и смотрела на дочь с таким выражением, что Оливии стало ещё тяжелее.

— Ты нам всё рассказала? — тихо спросила мать.

Оливия почувствовала, как пересохло во рту.

— Да, мам, — ответила она почти шёпотом. — Всё закончилось.

Мать медленно отвела взгляд.

— Хорошо, — произнесла она после паузы. — Но к врачу мы поедем обязательно. Удар головой — не шутка.

— Конечно, — поддержал её отец. — И о милиции мы ещё поговорим. Я не могу просто сделать вид, что ничего не случилось.

— Пап, я сама разберусь. Правда. Мне нужно только немного времени.

— Сама? — Он посмотрел на неё с нескрываемой тревогой. — Лёка, послушай меня. Быть самостоятельной — не значит оставаться один на один с человеком, который тебя обидел.

— Я понимаю. Я не собираюсь с ним встречаться. Просто дай мне возможность самой уладить всё.

Отец долго смотрел на дочь, словно пытался понять, что ещё скрывается за её просьбой. Потом встал, подошёл к ней и осторожно обнял. Оливия прижалась к его груди, и всё напряжение, которое она из последних сил сдерживала, внезапно исчезло.

— Ладно, маленькая, — проговорил он, гладя её по волосам. — Сегодня никуда звонить не буду. Но только пока. И если этот Князев ещё хоть раз появится возле тебя, мы больше не будем обсуждать, стоит ли обращаться в милицию. Ты меня поняла?

Оливия кивнула.

Ночью Оливия почти не спала.

Стоило закрыть глаза, как перед ней вновь возникала тёмная лестничная площадка. Она слышала чужое тяжёлое дыхание, чувствовала холод стены под лопатками, а порой с такой ясностью вспоминала ладонь, зажимавшую ей рот, что невольно садилась на кровати и жадно втягивала воздух.

Хуже всего было воспоминание о собственном бессилии. Она столько раз мысленно возвращалась к тем минутам, представляя, как могла бы вырваться, ударить сильнее, побежать вниз, позвать на помощь раньше. Но каждый раз всё заканчивалось одинаково: тяжесть чужого тела и страшное понимание, что её сил не хватает.

Потом вспоминался Денис.

Его голос, спокойный и уверенный, возникал в памяти так отчётливо, словно он всё ещё находился рядом.

«Дыши со мной».

Она повторяла эти слова про себя, стараясь унять дрожь, и постепенно дыхание становилось ровнее.

К утру голова гудела от недосыпания. На запястьях проступили тёмные следы пальцев, а затылок отзывался тупой болью всякий раз, когда она неосторожно поворачивала шею. Оливия долго стояла перед зеркалом, разглядывая своё бледное лицо. Рыжие волосы, обычно рас-

сыпавшиеся по плечам непослушными волнами, она собрала в тугой хвост, затем распустила снова: заколка неприятно давила на ушибленную голову.

На спинке стула висела куртка Дениса.

Оливия провела пальцами по её рукаву. Вчера ей казалось, что она уже никогда не сможет спокойно стоять в подъезде, слушать шаги за спиной или проходить мимо незнакомого мужчины. И всё же именно незнакомый человек вытащил её из того кошмара. Тот, о ком она ещё накануне думала с лёгким, почти счастливым смущением.

Денис Северин.

Теперь она знала его имя.

Оливия осторожно сложила куртку и убрала в шкаф. Потом выбрала рубашку с длинными рукавами, чтобы скрыть следы на запястьях, взяла рюкзак и вышла из комнаты.

Ей не хотелось идти на занятия. При одной мысли о тесных коридорах, шумных переменах и чужих взглядах становилось не по себе. Но оставаться дома, бесконечно перебирая вчерашние события, было ещё мучительнее.

К тому же она должна была увидеть Юлю.

Утром школа встретила её привычным многоголосым шумом. Из распахнутых окон тянуло прохладой, возле расписания толпились девочки из параллельного класса. Всё шло своим чередом. Никто из торопливо проходивших мимо учеников не знал, что произошло с ней вчера вечером.

Олеся всё ещё болела, и Оливия вошла в класс одна.

Юля сидела на своём месте возле окна. О чём-то разговаривала с подругами, лениво крутя в пальцах ручку. Увидев Вишневскую, она осеклась, а затем медленно окинула её взглядом.

На губах появилась знакомая усмешка.

— Смотрите-ка, королева явилась.

Оливия не ответила. Прошла к парте, положила сумку на стул и принялась доставать учебники. Она старалась не смотреть в сторону Торопышкиной, но чувствовала её присутствие почти физически.

Теперь она знала, кто послал этого подонка.

Вчера, когда Славка произнес её имя, Оливия ещё надеялась, что ослышалась. Потом всю ночь пыталась найти объяснение. Может быть, Князев солгал, чтобы его отпустили? Может быть, Юля попросила просто припугнуть её, не представляя, на что способен этот человек?

Но стоило вспомнить выражение Юлиного лица, её ненависть, угрозы и постоянные попытки унизить, как сомнения уступали место горькой обиде.

На уроках Оливия почти не поднимала головы. Она слышала объяснения учителей, видела написанные на доске формулы, переписывала задания, но происходящее словно не достигало сознания. Несколько раз ей чудилось, что кто-то стоит за спиной. Тогда она резко оборачивалась, пугая сидевшего сзади одноклассника.

— Ты чего? — удивился тот.

— Ничего. Извини.

Она снова смотрела в тетрадь.

К большой перемене голова разболелась сильнее. Оливия подошла к открытому окну в классе и сделала глубокий вдох. Во дворе шумели деревья, школьники перебрасывали мяч, за невысоким забором проезжали автомобили. Она еще раз глубоко вдохнула свежий воздух, стараясь избавиться от неприятной тяжести в груди.

— Эй, Вишневская!

Она обернулась.

Юля стояла в нескольких шагах, окружённая своими подругами.

— Ты чего сегодня такая тихая? — протянула она.

Девочки засмеялись.

Оливия посмотрела на Торопышкину и вдруг с удивлением заметила, какая та маленькая. Узкие плечи, бесцветные волосы, туго поджатые губы. За спиной у неё маячили две одноклассницы, готовые поддержать любую насмешку, но сейчас Оливия видела только Юлю.

— Мне нужно с тобой поговорить.

В голосе её не было ни угрозы, ни привычной насмешливости.

Юля на секунду растерялась, но быстро усмехнулась:

— Ну говори.

— Не здесь.

— А чего это? Секреты у нас?

— Юля, — произнесла Оливия, стараясь удержать голос ровным. — Ты заплатила Славке Князеву?

Улыбка исчезла с лица Торопышкиной.

— Чего?

— Ты прекрасно слышала.

Девочки перестали смеяться.

Юля быстро оглянулась.

— Ты вообще о чём?

— О вчерашнем вечере. О том, что он подкараулил меня в подъезде.

Торопышкина отвела взгляд к окну, потом снова посмотрела на Оливию. На мгновение в её лице мелькнуло беспокойство, но она почти сразу вскинула подбородок.

— И что? Я тут при чём?

— Он сказал, что ты дала ему деньги.

— Да мало ли что он тебе наплёл!

Оливия почувствовала, как напряглись пальцы, лежавшие на подоконнике.

— Посмотри на меня, Юля.

— Чего тебе?

— Ты правда это сделала?

Торопышкина раздражённо передёрнула плечами.

— Я попросила его немного тебя проучить. И что теперь? Он должен был только напугать! Не строй из себя жертву!

Оливия смотрела на неё, не веря собственным ушам.

Только напугать.

Перед глазами возникла лестничная площадка. Славка, прижимавший её к стене. Его ладонь на её лице, грубая рука задравшая ее юбку, разорванная на груди блузка, собственный крик, оборвавшийся под его пальцами.

Она машинально обхватила себя за локти.

— Ты хоть понимаешь, что он сделал?

— А что он такого сделал? — Юля попыталась усмехнуться, но улыбка вышла неуверенной. — Небось опять преувеличиваешь.

— Он едва меня не изнасиловал!

Слова вырвались громче, чем Оливия собиралась их произнести.

Вокруг стало тихо.

Одна из Юлиных подруг опустила глаза. Другая отступила к стене. В нескольких шагах остановился парень с учебником под мышкой.

Юля побледнела.

— Не ври.

Оливия почувствовала, как к лицу приливает кровь.

— Я вру?

— Я не говорила ему ничего такого!

— Но деньги дала.

Торопышкина молчала.

— Ты знала, с кем связываешься, — продолжила Оливия уже тише. — Знала, какой он. И всё равно пошла к нему. Ради чего, Юля? Что я тебе сделала?

— А ты сама не понимаешь? — вдруг выкрикнула та. — Приехала сюда, строишь из себя неизвестно кого! Вся такая красивая, умная, папочка у тебя мэр! Думаешь, мы не видим, как ты на всех смотришь?

— Как?

— Как будто мы хуже тебя!

Оливия горько усмехнулась.

— Я никогда не говорила, что ты хуже меня.

— А тебе обязательно говорить? Ты и так ходишь тут, будто весь мир перед тобой расступиться должен!

— Юля, я даже не знала тебя до приезда сюда. Это ты с первого дня решила меня ненавидеть!

— Потому что ты...

Торопышкина осеклась.

На мгновение Оливии показалось, что она сейчас скажет правду. Назовёт настоящую причину своей злости, перестанет прятаться за разговорами о Москве, деньгах и чужом высокомерии.

Но Юля только сильнее сжала губы.

— Да кому ты вообще здесь нужна Вишневская!

Что-то оборвалось в Оливии.

Она устала от этих слов. От бесконечных обвинений, от необходимости оправдываться, за лицо, за волосы, за то, что отец получил новую должность. Но теперь за всеми этими мелкими обидами стояло нечто гораздо страшнее.

— Знаешь, Юль, — произнесла она, — если человек сам чувствует себя ничтожеством, это не значит, что все вокруг виноваты.

Торопышкина побелела.

Несколько секунд она смотрела на Оливию с таким выражением, будто та ударила её по лицу.

— Сука!

Юля бросилась на неё.

Оливия успела только отшатнуться. Пальцы Торопышкиной вцепились ей в волосы, дёрнули голову назад, и острая боль пронзила затылок — как раз там, где вчера она ударилась о стену.

От неожиданности Оливия вскрикнула. Она обеими руками схватила Юлю за запястья и рванулась в сторону.

— Отпусти!

Но Торопышкина не отпускала. Они налетели на стоявшую возле стены парту, с неё посыпались учебники. Кто-то вскрикнул, раздался грохот опрокинутого стула.

Юля замахнулась свободной рукой.

Оливия увернулась и инстинктивно ударила её в ответ.

Удар пришёлся по щеке. Торопышкина отшатнулась, но тут же бросилась снова, уже не разбирая ничего вокруг. Они столкнулись, потеряли равновесие и обе упали между партами.

Оливия ударилась коленом о пол. Юля пыталась вцепиться ей в лицо, кричала что-то невнятное, захлёбываясь от ярости. Оливия удерживала её за руки, стараясь оттолкнуть, но та снова тянулась к волосам.

— Да отпусти же ты меня!

В коридоре раздался резкий женский голос:

— Что здесь происходит?!

В класс вбежала учительница.

За ней показалась завуч.

Девочек растащили не сразу. Юля продолжала кричать и вырываться, а Оливия, тяжело дыша, никак не могла разжать пальцы, которыми держала её за волосы.

— Вишневская! Торопышкина! Вы с ума сошли?!

Оливия медленно поднялась.

Сердце колотилось где-то у самого горла. Руки дрожали, волосы спутались, колено саднило. Она смотрела на Юлю, на её перекошенное злостью лицо, и с мучительной ясностью осознавала, что только что произошло.

— Обе ко мне в кабинет! — отрезала завуч. — Немедленно!

После разговора с завучем Оливия чувствовала себя совершенно опустошённой.

Ей пришлось выслушать долгую нотацию о поведении, недопустимости драк и ответственности выпускниц перед школой. Юля сидела рядом, время от времени всхлипывая и прикладывая ладонь к покрасневшей щеке. Она уверяла, что Вишневская сама спровоцировала ссору, оскорбляла её и ударила первой.

Оливия несколько раз пыталась возразить, но в конце концов замолчала. Она не собиралась рассказывать о вчерашнем нападении в присутствии Торопышкиной, которая уже однажды превратила её страх в повод для издевательства.

Когда их отпустили, последний урок подходил к концу.

Оливия вернулась в класс, собрала вещи и медленно застегнула рюкзак. Несколько одноклассниц посматривали на неё с любопытством, но никто не решался подойти. Только светловолосый мальчишка с соседнего ряда негромко произнёс:

— Ты это... правильно ей ответила.

Оливия посмотрела на него.

— Что?

— Да ничего. Просто... давно пора было.

Он смутился и поспешно отвернулся.

Оливия ничего не сказала.

Ей не было радостно от того, что Юля получила отпор. Не хотелось ни торжествовать, ни вспоминать драку, ни искать одобрения у одноклассников. Больше всего она мечтала оказаться дома, смыть с лица следы слёз и пыли, переодеться и хотя бы ненадолго остаться в тишине.

Когда прозвенел звонок, она дождалась, пока основная толпа выйдет из класса, и направилась к лестнице.

В коридоре её догнала Юля.

— Вишневская!

Оливия остановилась.

Торопышкина стояла в нескольких шагах. Щека у неё всё ещё была красной, волосы растрепались, а в глазах блестели злые слёзы.

— Думаешь, всё?

Оливия устало посмотрела на неё.

— Отстань, Юля.

— Ты ещё пожалеешь.

— Мне и так есть о чём жалеть.

Она повернулась и пошла дальше.

— У школы поговорим! — бросила Юля ей вслед. — Посмотрим, какая ты смелая без учителей!

Оливия не обернулась.

Но, спускаясь по лестнице, почувствовала знакомое неприятное напряжение. После события в подъезде она уже знала цену подобным угрозам.

Школьный двор был залит мягким вечерним солнцем. Возле крыльца толпились выпускники, младшие школьники носились между деревьями, у ворот несколько родителей ждали детей. Повсюду звучали голоса, смех, скрип велосипедных тормозов.

Оливия спустилась с крыльца и почти сразу заметила Юлю.

Та стояла возле школьных ворот в окружении нескольких девочек и парней. Чуть поодаль, прислонившись к бетонному ограждению, курил Славка Князев.

У Оливии болезненно сжалось сердце.

На лице Славки ещё оставались следы вчерашней драки. Нижняя губа распухла, под глазом темнел кровоподтёк. Он держался нарочито развязно, но от прежней самоуверенности в его движениях осталось меньше, чем он старался показать.

Увидев Вишневскую, он оттолкнулся от забора.

— О, смотрите, кто идёт!

Несколько парней повернулись к ней.

Оливия замедлила шаг.

Она знала, что должна пройти мимо, не останавливаясь, но тело отреагировало раньше мысли. Страх вернулся так резко, что на мгновение подогнулись колени. Она крепче сжала края куртки и волей заставила себя идти дальше.

Юля выступила вперёд.

— Ну что, москвичка? Теперь поговорим?

— Нам не о чем разговаривать.

— Да ты что! — Торопышкина издевательски рассмеялась. — А в школе такая смелая была!

Оливия огляделась.

До школьного крыльца оставалось метров десять. Там ещё толпились ученики, из распахнутых дверей доносились голоса. Можно было вернуться, позвать преподавателя, попросить помощи.

Но Юля уже приблизилась.

— Ты куда собралась?

— Домой.

— А ты сначала извинись.

Оливия остановилась.

— За что?

— За то, что ты сегодня устроила.

Она посмотрела на Торопышкину с таким изумлением, что та невольно нахмурилась.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно.

— Юля, вчера из-за тебя меня чуть не изнасиловали, а сегодня ты требуешь извинений?

Подруги Торопышкиной неловко переглянулись.

Славка перестал улыбаться.

— Слышь, рыжая, — процедил он, делая шаг вперёд. — Ты фильтруй, что говоришь.

Оливия отступила.

Не из-за его слов. Из-за знакомого движения плеч, тяжёлой поступи, из-за того, как он приближался, не сводя с неё глаз.

В горле пересохло.

— Не подходи ко мне, — произнесла она.

Славка остановился, посмотрел на приятелей и криво усмехнулся.

— А то что? Опять своего защитника позовёшь?

Парни засмеялись.

— В милицию заявление подам! — ответила Оливия.

— Ой как страшно! Прямо в милицию? — засмеялся Славка прищурив глаза в усмешке.

— Юля, — сказала Оливия, стараясь удержать дрожь в голосе, — чего ты от меня хочешь?

Торопышкина на секунду замолчала.

Оливия смотрела прямо на неё. Не вызывающе, не насмешливо.

Но Юля лишь поджала губы.

— Чтобы ты знала своё место.

Славка шагнул ближе.

Оливия невольно попятилась и почувствовала за спиной холодную металлическую перекладину школьного ограждения.

На этот раз она не была одна в тёмном подъезде. Вокруг находились десятки людей, совсем рядом была школа. И всё же, глядя на приближавшегося Князева, лениво поигрывая сигаретой, и на его разбитом лице была та самая ухмылка, которую она надеялась больше никогда не увидеть.

Глава 7. Северин

Со стороны улицы донёсся низкий рокот двигателя, быстро нараставший по мере приближения. Разговоры возле школьных ворот стали стихать. Один за другим ребята оборачивались на звук, и вскоре над двором раздался восхищённый свист. Славка тоже повернул голову. Через распахнутые ворота медленно въезжал большой мотоцикл глубокого графитового цвета. Его отполированные детали ловили лучи майского солнца; короткий отблеск пробежал по хромированному выхлопу. Двигатель работал ровно, сдержанно, но даже на малых оборотах в его звуке чувствовалась мощь, непривычная для этого двора.

За рулём сидел высокий молодой человек в чёрной футболке с изображением разъяренного медведя.

Он проехал несколько метров, остановился неподалёку от крыльца и заглушил двигатель. После басовитого рокота обычный школьный шум на мгновение показался удивительно далёким.

Парень снял перчатки, расстегнул ремешок шлема и стянул его с головы.

Тёмные волосы упали на лоб.

Оливия перестала дышать.

Денис.

Она узнала его раньше, чем он успел повернуться к ней лицом. По широким плечам, по движениям, по той спокойной уверенности, которая так поразила её в день встречи под вишнями. И оттого, что он действительно стоял здесь, посреди школьного двора, сердце вдруг забилось с такой силой, что она невольно прижала ладонь к груди.

Ещё утром ей казалось невозможным увидеть его снова.

Зачем он приехал?

Шёпот уже расходился по двору.

— Северин!

— Денис приехал!

— Смотри, какой мотоцикл!

Несколько старшеклассников поспешили ближе. Девушки возле крыльца оживлённо переглядывались, одна торопливо поправила волосы, другая вытянулась на цыпочки, пытаясь рассмотреть его из-за чужих плеч.

Но Денис не обращал на них внимания.

Он поставил мотоцикл на подножку, оставил шлем на руле и поднял глаза.

Его взгляд сразу нашёл Оливию.

Она стояла у ограждения, побледневшая, со стиснутыми пальцами и напряжённо поднятыми плечами. В нескольких шагах от неё находились Торопышкина и Славка Князев. Денис перевёл взгляд с одного на другого и мгновенно понял, что происходит.

Улыбка исчезла с его лица.

Он направился к ним.

Не торопясь напоказ и не оглядываясь на тех, кто расступался перед ним. Просто шёл — быстро, уверенно, не сводя глаз со Славки.

Тот заметил его приближение и перестал усмехаться.

— Денис, слушай...

Князев попытался отступить, но Северин уже оказался рядом.

— Ты вчера что-то не понял?

Славка нервно облизнул разбитую губу.

— Да я ничего ей не делал! Мы просто разговаривали!

Денис посмотрел на него, затем на Оливию, которую тот загнал к ограждению.

— Разговаривали?

— Ну да! Спроси у неё!

Он сделал движение в её сторону, словно собирался привлечь Оливию в свидетели, но Денис мгновенно перехватил его за руку.

— К ней не подходи.

— Да отцепись ты!

Славка резко дёрнулся и попытался оттолкнуть Северина свободной рукой.

Удар последовал почти сразу.

Короткий, тяжёлый. Славка отшатнулся, потерял равновесие и рухнул на асфальт возле ограждения. По школьному двору прокатился испуганный гул. Кто-то вскрикнул, несколько ребят поспешно отошли в сторону.

Оливия вздрогнула.

Она не ожидала, что Денис ударит его при всех. Ещё страшнее было увидеть, как стремительно изменилось его лицо: привычное спокойствие осталось, но теперь за ним чувствовалась едва сдерживаемая ярость.

Славка приподнялся на локте и провёл ладонью по лицу.

— Ты охренел?!

Денис остановился перед ним.

— Это тебе добавка за вчерашний вечер.

Он произнёс эти слова негромко, однако ближайшие ученики прекрасно их расслышали.

— Я думал ты понял меня, Князев. Ещё раз приблизишься к ней — разговаривать будем иначе.

Славка хотел что-то ответить, но, встретившись с его взглядом, промолчал. Он медленно поднялся, придерживаясь за ограждение, и отошёл к приятелям. Те уже не смеялись.

Торопышкина стояла неподвижно.

Ещё минуту назад она наслаждалась вниманием собравшихся вокруг ребят, была готова продолжать издеваться над Вишневской, уверенная, что за её спиной достаточно людей, способных поддержать любую выходку. Теперь подруги невольно отступили, оставив её одну.

— Денис, — торопливо заговорила она, — ты всё неправильно понял. Я вообще здесь ни при чём.

— Правда?

Он остановился напротив неё.

— Абсолютно! Она сама к нам подошла, начала...

— Славка вчера всё рассказал.

Юля замолчала.

— И про деньги, и про то, кто попросил его проучить Оливию.

Торопышкина быстро взглянула на Князева. Тот отвернулся.

— Я же не знала, что он...

— Не знала чего?

Она сжала губы.

Денис выдержал паузу.

— Ты заплатила ему, чтобы он напугал девушку. И теперь делаешь вид, будто ничего не произошло?

— Я просто пошутила! — выпалила Юля. — Откуда мне было знать, что этот придурок всё испортит?

Денис посмотрел на неё так, что она осеклась.

— Пошутила?

Юля опустила глаза.

— Ну... я не хотела ничего такого.

— Тогда посмотри на неё.

Он кивнул в сторону Оливии.

Торопышкина нехотя повернула голову. Несколько мгновений они смотрели друг на друга.

Оливия не отвела взгляд.

— Запомни меня внимательно, Юля, — произнёс Северин. — Ещё раз тронешь её или попросишь кого-нибудь...

Он немного наклонился ближе.

— Я лично надену тебе на голову мусорный бак вместо короны и проведу через всю школу. Поняла?

Юля судорожно кивнула.

— Поняла...

— Не слышу.

— Поняла!

Он выпрямился.

Возле крыльца послышались смешки. Кто-то из старшеклассников не удержался:

— Ну всё, Торопышкина, допрыгалась!

На этот раз смеялись уже над ней.

Юля резко обернулась на смех одноклассников, готовая огрызнуться, но так и не произнесла ни слова. Ей хотелось броситься к Денису, объяснить, все только бы Северин не смотрел на неё с таким презрением! Она столько лет искала его внимания, ловила случайные улыбки, придумывала поводы для встреч. И вот теперь он наконец произнёс её имя перед всей школой, но отдала бы она всё, лишь бы этого не случилось.

Денис уже отвернулся и направился к Оливии. Юля увидела, как он склонился к рыжеволосой девушке и посмотрел на неё — просто, нежно, без тени недавней суровости. У Юли задрожал подбородок. Она поспешно прикусила губу, подхватила сумку и, расталкивая стоявших на пути ребят, направилась к воротам. Ей было невыносимо стыдно за слёзы, за собственную беспомощность и больше всего — за то, что даже сейчас она так сильно любила его.

Всё произошло так неожиданно, что Оливии по-прежнему трудно было собрать мысли. Только что Славка стоял перед ней, готовый продолжить угрозы; теперь он прятался за спинами приятелей, а Денис смотрел на неё так, словно хотел убедиться, что с ней всё в порядке.

— Привет.

— Привет.

— Как ты? — спросил он уже тише.

Оливия помедлила.

— Лучше, чем минуту назад.

Он внимательно посмотрел на её лицо.

— Голова не болит?

— Немного.

— У врача была?

— Нет.

— Это ты зря.

Денис помолчал, затем перевёл взгляд на школьный двор. Вокруг всё ещё стояли ребята. Кто-то обсуждал произошедшее, кто-то украдкой рассматривал Оливию, а девочки возле крыльца, кажется, окончательно забыли, куда собирались идти.

Она тоже заметила эти взгляды.

После двух дней, в течение которых её то пугали, то унижали, то расспрашивали о случившемся, меньше всего хотелось снова оказаться в центре всеобщего внимания.

Денис словно прочитал это по её лицу.

— Поехали.

Оливия удивлённо подняла глаза.

— Куда?

— Увидишь.

— Это, по-твоему, исчерпывающий ответ?

Он усмехнулся.

— Пока да.

— А если я не соглашусь?

— Тогда останемся здесь, и я позволю тебе ещё немного помучить меня вопросами.

Она посмотрела на его серьёзное лицо, прищуренный взгляд, и не удержалась от смеха.

— Какое великодушие.

— Я стараюсь.

Денис протянул ей руку.

Без торжественного жеста, не оглядываясь на окружающих, словно они стояли не посреди переполненного школьного двора, а на той тихой вишнёвой аллее, где ещё недавно не решились заговорить друг с другом.

Оливия посмотрела на его ладонь.

Вспомнила, как вчера он протянул ей руку на лестнице и терпеливо ждал, пока она сама решится принять помощь.

Теперь она вложила свою ладонь в его без колебаний.

Пальцы Дениса сомкнулись вокруг её руки — осторожно, но крепко.

Они направились к мотоциклу.

Вслед за ними шлейфом потянулся шёпот.

Возле мотоцикла Денис отпустил её руку и достал второй шлем, закреплённый за пассажирским сиденьем.

— Держи.

Оливия с любопытством повертела его в руках.

— А у тебя всегда с собой второй шлем?

Денис посмотрел на неё.

— Сегодня — да.

Она подняла глаза.

— Значит, ты приехал за мной?

— Просто, хотел убедиться что с тобой все хорошо.

Оливия на мгновение растерялась от его прямоты.

Денис заметил это и улыбнулся.

— Не ожидала?

— После вчерашнего дня я вообще мало чего ожидаю.

Он несколько секунд смотрел на неё, словно подбирая ответ, но затем лишь осторожно коснулся её руки.

— Тогда сегодня попробуем без неприятных сюрпризов.

Она кивнула.

— Договорились.

Денис взял шлем и помог ей надеть его, следя, чтобы застёжка не зацепила волосы. Когда он поправлял ремешок под её подбородком, его пальцы на мгновение коснулись её кожи.

Оливия невольно задержала дыхание.

От этого прикосновения не хотелось отстраняться. Напротив, оно вызвало совершенно новое смущение, особенно странное,. она смотрела на Дениса из-под края шлема и поняла, что ей нравится находиться так близко к нему.

Он проверил застёжку.

— Не давит?

— Нет.

— Гуд[4].

Оливия оглядела мотоцикл.

Вблизи он казался ещё внушительнее. Широкий бак, блестящие металлические детали, низкое сиденье, мощное заднее колесо. На тёмной поверхности отражались светлые пятна майского неба и силуэты школьников, которые всё ещё наблюдали за ними.

Она осторожно провела ладонью по сиденью.

— Красивый.

— Нравится?

— Еще не решила.

Денис с явным удовольствием посмотрел на свой мотоцикл.

— У него ещё и характер непростой.

— Надеюсь, не как у хозяина?

Он рассмеялся.

— Со мной легче договориться.

— Не уверена.

— Проверим?

Оливия приподняла бровь.

— А ты всегда так знакомишься с девушками?

— Как именно?

— Приезжаешь в школу, устраиваешь революцию, а потом похищаешь?

— Обычно знакомство проходит спокойнее.

— Значит, мне повезло?

Денис чуть склонил голову.

— Это мы ещё выясним, Вишневская.

Она улыбнулась.

Ей нравилось, как он произносил её фамилию. В его голосе было что-то тёплое, чуть задиристое, словно он уже придумал для неё особое место в собственном мире.

Денис надел свой шлем, сел на мотоцикл и выпрямил его, убрав подножку.

— Садись.

Оливия осторожно устроилась позади него. Она ещё никогда не ездила на мотоцикле и поначалу не знала, куда деть ноги и за что держаться. Денис показал ей пассажирские подножки, дождался, пока она удобно устроится, и лишь затем взялся за руль.

— Держись за меня.

Она положила ладони ему на талию.

— Так?

Он повернул голову.

— Крепче, Оливия.

Она чуть помедлила и обняла его обеими руками.

Сквозь ткань футболки ощущалось тепло его тела. Оливия осторожно придвинулась ближе, чувствуя, как от волнения начинает учащенно биться сердце. Странно было доверять почти незнакомому человеку — и вместе с тем испытывать столь естественное желание быть рядом с ним.

— Сначала заберем мою куртку.

Денис завёл двигатель.

---

[4] «Хорошо» (англ. good, передано русскими буквами).

Мотоцикл отозвался глубоким, ровным рокотом. Несколько ребят возле крыльца снова обернулись, кто-то поднял руку в прощальном жесте. Оливия посмотрела на школьное здание, на раскрытые окна классов, на толпу у ворот.

Ещё совсем недавно она стояла здесь, прижатая к ограждению, теперь же перед ней была широкая улица, уходившая за городской поворот, а под руками — сильная спина человека, который дважды за последние сутки оказался рядом, когда она особенно нуждалась в помощи.

— Готова? — спросил Денис.

— Да.

Он плавно отпустил сцепление, и мотоцикл тронулся.

Они неторопливо проехали через школьные ворота, затем Денис прибавил скорость. Дома по обе стороны дороги начали сменяться быстрее, уличный шум растворился в ровном гуле двигателя. Оливия почувствовала лёгкую вибрацию под ногами и крепче обняла его за талию.

Денис чуть повернул голову, словно проверяя, удобно ли ей.

Она прижалась к нему еще сильнее.

Глава 8. Драйв

Прежде чем выехать за город, они ненадолго свернули к дому Оливии. Денис остался возле мотоцикла, а она поспешила в квартиру, чтобы забрать оставленную накануне кожаную куртку и переодеться. В прихожей её встретила мать. Увидев шлем в руках дочери, Вера Самуиловна насторожилась.

— Ты куда это собралась?

— Покататься, мам. С Денисом. Помнишь, я тебе рассказывала? Он вчера мне помог.

— На мотоцикле? — Мать выразительно посмотрела на шлем. — Оливия, после всего, что произошло, ты не могла бы хоть один день спокойно провести дома?

— Мамочка, ну пожалуйста! Я же не одна еду. Денис хорошо водит, правда. И я ненадолго.

Вера Самуиловна подняла бровь, явно не разделяя её воодушевления, но спорить не стала. Лишь велела не задерживаться и передать молодому человеку, что дочь ждут дома к вечеру. Оливия поспешно кивнула, хотя понятия не имела, куда именно Денис собирается её везти.

В своей комнате она быстро сменила школьную рубашку на чёрную майку, надела джинсы и лёгкую кофту, затем бережно достала из шкафа куртку Дениса. Уже собираясь выходить, но прежде заглянула на кухню, где отец стоял у окна, наблюдая за молодым человеком, ожидавшего его дочь возле мотоцикла.

Лев Иванович не сразу обернулся. Денис внизу что-то поправлял у руля, затем поднял голову к окнам дома, и Оливия, заметив это, невольно улыбнулась.

— Ты чего такая задумчивая, Лёка? — спросил отец.

Она поспешно отвернулась от окна.

— Ничего.

— Ну-ну, — усмехнулся он, слишком хорошо зная свою дочь, чтобы поверить этому невинному «ничего».

Вера Самуиловна, вошедшая следом, перевела взгляд с мужа на Оливию, потом посмотрела в окно.

— Только не говорите мне, что началось.

— Что началось? — с невинным видом спросила Оливия.

— Вот это вот всё! — Мать вскинула вверх руки. — Весна, любовь и глупости! У тебя экзамены на носу, а ты уже на мотоциклах рассекаешь и с неизвестно кем!

Лев Иванович тихо рассмеялся. Оливия почувствовала, как предательски холодеют ее ладони, и сердито посмотрела на отца, который, судя по выражению лица, прекрасно понимал причину её смятения.

— Оставь её, Вера, — мягко произнёс он, обнимая жену за плечи. — Семнадцать лет бывает только раз в жизни!

— Вот именно! — возразила мать. — А голову ей беречь ещё всю оставшуюся!

— И то правда, — согласился отец, но улыбаться не перестал.

Оливия рассмеялась, подхватила куртку и направилась к двери. Уже в прихожей её догнал отцовский голос:

— Лёка!

— Что, пап?

— Осторожнее там. И не заставляй мать волноваться.

— Хорошо! Люблю вас!

Она поцеловала родителей и выбежала на лестницу. Спускаясь, едва удерживалась от желания перепрыгивать через ступеньки, а когда распахнула тяжёлую дверь подъезда, сразу увидела Дениса.

Оливия протянула ему куртку.

— Держи. А то меня дома уже успели предупредить обо всех опасностях твоего общества.

— Даже так? — Денис рассмеялся, принимая куртку. — И что же ты решила?

— Пока думаю, — с напускной серьёзностью ответила она.

Он нажал на газ и они поехали вперёд. Город уже оставался позади, и вместе с последними домами исчезла теснота улиц. Дорога уходила вдаль среди просторных полей, где молодая зелень уже покрывала землю нежным, почти прозрачным ковром. Ветер пробегал по ней длинными волнами, склоняя неокрепшую траву, а у самого горизонта темнели леса, за которыми в лёгкой голубоватой дымке угадывались новые холмы. Иногда дорога ныряла под кроны берёз, ещё не успевших сомкнуть листву, и солнечный свет, дробясь между тонкими стволами, скользил по асфальту. Потом лес расступался, и навстречу снова распахивалось небо — высокое, ослепительно синее, с белыми облаками, медленно плывущими над землёй.

Оливия смотрела по сторонам с восторгом, которого не пыталась скрывать. Мелькали придорожные деревья, убегали назад перелески, ветер упруго бил в плечи, и с каждой минутой ей всё сильнее хотелось смеяться. На длинном прямом участке Денис сбавил скорость. Она осторожно разжала руки и раскинула их навстречу ветру. Воздух подхватил раскрытые ладони, заструился между пальцами, и Оливия запрокинула голову, смеясь от неожиданного, пьянящего ощущения свободы. Ей хотелось вобрать в себя всю эту весну, простор полей, солнечный свет, скорость дороги — всё сразу, без остатка.

Денис заметил её в зеркале: поднятые руки, сияющие глаза под прозрачным визором шлема — и невольно улыбнулся. В этой девчонке было что-то совершенно обезоруживающее. Ещё недавно она настороженно поглядывала на его мотоцикл, а теперь встречала ветер с таким упоением, словно всю жизнь только и мечтала оказаться на этой дороге. Он плавно отпустил газ, дожидаясь, пока она снова обнимет его, и когда её руки сомкнулись у него на талии, осторожно на короткое мгновение накрыл одну из них своей ладонью.

Оливия прижалась к его спине, всё ещё смеясь. В зеркале на мгновение встретились их взгляды. Впереди дорога вновь уходила между лесистыми холмами. Оливия не спрашивала, куда они едут. Ей было хорошо здесь, среди ветра и солнца, за спиной этого почти незнакомого парня, с которым даже обыкновенная дорога превращалась в маленькое приключение.

Они миновали полосу разбитой дороги и свернули к старой, давно заброшенной промзоне стоявшей на берегу реки. Среди привычного дорожного шума Оливия различила другой звук — низкий гул, не похожий на ровную работу их двигателя. Впереди, за поворотом, между деревьями мелькнули огни. С каждой минутой гул становился отчётливее, и теперь в нём можно было различить рёв нескольких моторов, музыку и далёкие выкрики.

Оливия нахмурилась.

— Что это?

Денис только улыбнулся.

— Сейчас увидишь.

— Ты всё время так говоришь.

— Работает же.

Она собиралась ответить, но из-за поворота навстречу вылетел мотоцикл. Оливия испуганно подалась назад; Денис удержал свой курс, и встречный гонщик промчался по другой стороне дороги, оставив за собой короткую вспышку фары и резкий звук выхлопа. Следом пронёсся второй. Рёв двигателей ударил в грудь.

— Господи...

Денис рассмеялся.

— Не бойся.

— Я не боюсь.

Он коротко взглянул на неё в зеркало.

— Конечно.

— Не смотри на меня так.

— Как?

— Будто прекрасно видишь, что я вру.

— Я прекрасно вижу, что ты врёшь.

Оливия фыркнула и отвернулась. Но через несколько секунд уже снова смотрела вперёд. Вскоре дорога вывела их к старому промышленному кварталу, за которым открылась широкая площадка. Машины стояли вдоль дороги в несколько рядов. Между ними — мотоциклы, десятки людей, музыка, свет фар. В металлических бочках горел огонь, искры поднимались в вечерний воздух. Кто-то смеялся, кто-то спорил, кто-то уже натягивал перчатки и застёгивал шлем.

Ничего подобного Оливия прежде не видела. Моторы гремели, музыка перекрывала голоса, вокруг машин стояли люди — оживлённые, уверенные, будто здесь действовали свои правила, неизвестные случайным гостям. Денис свернул на свободное место у края площадки, остановил мотоцикл и заглушил двигатель.

— Приехали.

Оливия сняла шлем, огляделась и снова посмотрела на него.

— Ты часто здесь бываешь?

— Иногда.

— «Иногда» — это сколько?

— Пойдём.

— Северин.

Денис обернулся.

— Что?

Оливия показала взглядом на мотоциклы.

— Что это вообще такое?

Он усмехнулся.

— Гонки.

Она несколько секунд молча смотрела на него.

— Я вижу, что не шахматный турнир.

Он рассмеялся.

— Уже хорошо.

— Денис!

— Идём. Я тебя познакомлю с ребятами.

Денис закрепил оба шлема на мотоцикле и протянул ей руку. Оливия спустилась с пассажирского сиденья, поправила кофту и пошла рядом с ним.

Внимание окружающих она почувствовала почти сразу. Разговоры не оборвались, музыка продолжала звучать, но знакомые приветствовали Дениса, хлопали его по плечу, окликали издалека:

— Северин! Наконец-то!

Вместе с ним разглядывали и незнакомую рыжеволосую девушку. Оливия машинально потянула край джинсовой куртки. Денис заметил. Наклонился к ней:

— Расслабься.

— Я расслаблена.

— Ты сейчас пуговицу оторвёшь.

Она посмотрела вниз. Пальцы действительно намертво вцепились в край куртки. Оливия сразу отпустила ткань.

— Ненавижу тебя.

— Серьёзно?

Она резко повернулась. Он уже шёл дальше, улыбаясь.

— Самоуверенный!

— Есть немного.

Возле одного из мотоциклов теснилась компания парней. Светловолосый молодой человек что-то рассказывал, размахивая руками, остальные смеялись. Увидев Дениса, парень в кожаной куртке вскинул руки:

— Северин! Я уже решил, что ты сдулся.

— Мечтай.

— А это кто?

Вопрос прозвучал мгновенно. Все посмотрели на Оливию. Она почувствовала, как щёки начинают предательски краснеть. Денис, кажется, только этого и ждал.

— Оливия.

— Просто Оливия? — протянул кто-то.

— Для тебя — просто Оливия.

Компания загудела.

— О-о-о...

— Северин привёл девушку!

— Исторический день.

— Закройтесь, — спокойно сказал Денис.

Оливия рассмеялась. Напряжение немного отпустило. Через несколько минут Оливия уже различала лица, хотя имена безнадёжно путались. Ребята перебивали друг друга, обменивались шутками и с явным удовольствием пытались смутить Дениса. Безуспешно.

— Значит, ты гонщик? — наконец спросила Оливия, когда они на минуту остались вдвоём.

Денис посмотрел на неё.

— Громко сказано.

— А как называется человек, который приезжает на гонки и его тут знает половина толпы?

— Человек с плохими знакомствами.

Она улыбнулась.

— Ты уходишь от ответа.

Он пожал плечами.

— Люблю скорость.

Оливия оглянулась на его чёрный мотоцикл: в свете огня металл отливал серебром еще сильнее. Потом посмотрела на Дениса.

— Я заметила.

Денис усмехнулся. Но в этот момент один из парней крикнул:

— Северин! Пять минут!

Оливия не сразу поняла. Лицо Дениса сразу изменилось, взгляд стал серьезным, знакомая насмешливость уступила место сосредоточенности.

— Ты едешь? — спросила она.

— Да.

Слово прозвучало слишком спокойно. Оливия посмотрела на дорогу. Потом на мотоциклы.

— Сейчас?

— Сейчас.

— Денис...

Он застигнул кожаную куртку, закрепил наколенники и начал надевать перчатки.

— Что?

— Это безопасно?

Он поднял на неё глаза. И почему-то не стал шутить.

— Я умею ездить.

— Я не это спросила.

Пауза. Он понял. Подошёл ближе.

— Всё будет нормально.

Она вдруг разозлилась.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

— Замечательно.

— Оливия.

— Что?

— Не смотри на меня так.

— Как?

— Будто я уже разбился.

— Я вообще впервые вижу такое!

Голос прозвучал громче, чем она хотела. Денис несколько секунд смотрел на неё. А потом неожиданно улыбнулся. Очень мягко.

— Значит, будешь болеть за меня.

— Я буду молиться, чтобы у тебя мозги появились.

— Тоже подойдёт.

Она толкнула его в плечо.

— Дурак, — прошептала она.

— Скоро вернусь.

Он взял шлем. Оливия почувствовала настоящий страх. Не тот, когда сердце просто стучит быстрее. Другой. Холодный. Совершенно иррациональный. Ещё несколько минут назад она стояла рядом с ним, слышала его голос, видела улыбку. Когда он опустил тёмный визор, знакомое лицо исчезло, скрывшись за чёрным стеклом. Денис сел на мотоцикл. Двигатель ожил мгновенно. Оливия вздрогнула. Он оглянулся. Даже через тёмное стекло ей почему-то показалось, что он смотрит именно на неё.

Коротко поднял два пальца — привычный знак: всё нормально. Оливия хотела ответить чем-нибудь возмущённым... Но вместо этого просто кивнула. Мотоцикл тронулся.

Перед стартом Денис перестал слышать толпу. Так происходило всегда. Оставались только мотор. Дорога. Руки на руле. Контроль.

И тот короткий промежуток времени, когда весь мир сжимается до нескольких десятков метров впереди. Он чуть подался вперёд. Рядом прогремел чужой двигатель. Соперник посмотрел на него. Денис ответил коротким взглядом. Всё. Никаких разговоров. Человек впереди поднял руку. Денис почувствовал вибрацию мотоцикла всем телом.

Газ. Ещё немного. Стрелка тахометра пошла вверх. Рука опустилась. И мир рванулся назад. Первую секунду существовал только звук. Потом скорость. Дорога понеслась навстречу так быстро, что отдельные детали перестали существовать. Свет. Асфальт. Белая линия. Ветер. Переключение. Ещё. Мотор отзывался на каждое движение мгновенно.

Денис прижался ниже. Соперник шёл почти рядом. Слишком близко. Поворот. Он вошёл в него позже, чем следовало. Мотоцикл лёг почти к самой дороге. Колено оказалось в несколь-

ких сантиметрах от асфальта. Ещё чуть-чуть. Газ. Выход. Прямой участок. И тут почему-то вспыхнуло её лицо. Рыжие волосы. Зелёные глаза. То, как она спросила:

«Это безопасно?» Чёрт. Не сейчас. Денис заставил себя снова смотреть только вперёд. Скорость не прощала мыслей о чём-то ещё. Следующий поворот. Он видел его заранее. Торможение. Наклон. Газ на выходе. Соперник остался на полкорпуса позади. Потом на корпус. Потом ещё дальше.

И в какой-то момент Денис невольно улыбнулся под шлемом. За это он и любил скорость: за редкие секунды абсолютной ясности, когда ничто не существовало, кроме дороги, мотоцикла и собственного решения. Последняя прямая. Он выкрутил газ. Мотор взревел. Финиш промелькнул почти незаметно. Только потом вернулись люди. Крики. Музыка. Огонь. И одна рыжая девчонка с испуганными глазами среди ликующей толпы.

Оливия не помнила, когда перестала дышать. Наверное, сразу после старта. Она стояла у самого края, вцепившись пальцами в собственные локти. Сначала ещё могла различать Дениса. Потом мотоциклы стали двумя тёмными точками. Потом исчезли за поворотом. И наступило самое страшное. Ожидание. Вокруг продолжали разговаривать. Кто-то даже смеялся.

Оливии хотелось спросить, как они вообще могут смеяться. Там человек несётся на такой скорости. А они стоят. Ждут. Спокойно. Как будто это нормально.

— Не переживай, — сказал рядом кто-то из ребят.

Она резко повернулась.

— Я не переживаю.

Парень посмотрел на её руки.

— Конечно.

Оливия тут же разжала пальцы. И в этот момент толпа ожила. Кто-то крикнул:

— Идут!

Она мгновенно повернулась к дороге. Сначала появились фары. Две. Одна чуть впереди. Сердце ударило так сильно, что стало больно. Ближе. Ещё. Рёв двигателей нарастал. Оливия уже ничего не слышала, кроме него. Мотоциклы пронеслись через финиш. Толпа взорвалась криками. Кто победил, она поняла не сразу. Пока не увидела, как Денис сбрасывает скорость.

Как разворачивает мотоцикл. Как налетают на него ребята поздравлять с победой. Оливия отвернулась и выдохнула. Только сейчас. Так глубоко, что закружилась голова. Денис остановился, заглушил двигатель и снял шлем.

Волосы были растрёпаны, лицо раскраснелось от напряжения, в глазах ещё стоял тот особенный азарт, который Оливия никогда раньше у него не видела. Он увидел её. Улыбнулся. И сквозь налетевшую на него толпу пошёл прямо к ней.

— Ну?

Она смотрела на него.

— Что «ну»?

— Как тебе?

Оливия несколько секунд молчала. Потом ударила его ладонью в грудь.

— Ты ненормальный!

Денис рассмеялся.

— Значит, понравилось.

— Я чуть не умерла!

— Но не умерла же.

Она ударила его ещё раз.

— Никогда больше так не делай.

— Что именно?

— Не улыбайся так, будто ничего не случилось!

Он смеялся уже откровенно. Оливия смотрела на него и вдруг тоже рассмеялась. От облегчения. От злости. От того, что он стоит перед ней. Она даже не успела понять, когда сама шагнула ближе. Денис сразу перестал смеяться. На несколько секунд между ними возникло что-то странное. Очень короткое. Но Оливия почувствовала это и он тоже.

Она первой отступила.

— Пойдём к твоим сумасшедшим друзьям.

— Пойдём.

Пока они шли к машинам, ветер успел стать прохладнее. Оливия, до этого не замечавшая холода, невольно скрестила руки на груди. Денис снял кожаную куртку и протянул ей.

— Надень.

— А сам?

— Я же Северин.

Спорить было бесполезно. Она оставила свою джинсовку у его мотоцикла, укуталась в тяжёлую куртку, пахнувшую кожей и знакомым парфюмом, и пошла рядом с ним.

Музыка становилась всё громче. После гонок напряжение будто разом отпустило толпу. Кто-то из ребят принёс ещё дров для огня, кто-то открыл багажник машины и прибавил звук, вокруг горящих бочек снова собирались компании. Оливия уже почти перестала чувствовать себя здесь чужой. В основном благодаря Маше.

Они познакомились совершенно случайно — та подошла сама, пока Денис разговаривал с ребятами возле мотоциклов.

Невысокая брюнетка с короткими волосами, огромными тёмными глазами и такой быстрой речью, что Оливия сначала едва успевала за ней следить. Маша посмотрела на Дениса. Потом на Оливию. И без всякого вступления спросила:

— Так это ты, та самая сенсация вечера?

Оливия растерялась.

— Кто?

— Ну ты.

— Очень содержательно.

Маша расхохоталась.

— Всё, нравишься.

И тут же протянула руку:

— Маша.

— Оливия.

— Я знаю.

Оливия подозрительно прищурилась.

— Откуда?

Маша кивнула в сторону Дениса.

— А ты думаешь, он тебя сюда привёл и никто ему вопросов не задавал?

— И что он сказал?

— Почти ничего.

— Видимо очень на него похоже.

— Вот именно. Поэтому всем ещё интереснее.

Они обе рассмеялись. Выяснилось, что Маша встречается с Антоном — одним из Денисовых друзей, тем самым, который громче всех орал на финише и теперь что-то доказывал парням возле машин, размахивая бутылкой кока-колы. Через десять минут они уже разговаривали так, будто были знакомы гораздо дольше. О мальчиках. О школе. О том, как совершенно невозможно понять, о чём мужчина думает, если он сам решил этого не говорить.

— Особенно Северин, — сказала Маша.

Оливия посмотрела на неё.

— Почему особенно?

— Потому что этот вообще может молчать с таким лицом, будто сообщил тебе всё необходимое.

Оливия рассмеялась. Неподалёку Денис стоял вместе с Антоном и ещё несколькими ребятами. Смеялся. По-настоящему. Громко.

Один из парней что-то рассказывал, изображая руками чей-то неудачный поворот на трассе, остальные перебивали его и издевались друг над другом. Иногда Денис поглядывал в сторону Оливии. Убеждался, что всё в порядке. И снова возвращался к разговору. Маша заметила. Конечно, заметила.

— Смотрит.

— Кто?

Маша медленно повернула голову к ней.

— Он.

Оливия сделала вид, что не поняла.

— Что?

— Да ничего.

Маша закатила глаза.

— Вы друг друга стоите.

И прежде чем Оливия успела ответить, из колонок ударил новый трек. Быстрый. Громкий. С тяжёлым басом, от которого под ногами будто задрожал бетон. Маша сразу оживилась.

— Всё. Пошли.

— Куда?

— Танцевать.

— Я...

— Даже не начинай.

Она схватила Оливию за руку.

— Маша!

— Потом спасибо скажешь.

— Я замёрзну!

— На две минуты?

Оливия посмотрела на куртку Дениса, в которой теперь действительно становилось жарко. Она оглянулась на Дениса. Тот разговаривал с ребятами и ничего не заметил. Оливия стянула куртку, аккуратно положила её на капот машины. Под ней осталась простая чёрная майка и джинсы.

— Вот теперь другое дело, — одобрительно сказала Маша.

— В смысле?

— Да пошли уже.

И утащила её в толпу. Сначала Оливия просто смеялась. Маша танцевала напротив, совершенно не заботясь о том, как выглядит, тянула её за руки, что-то кричала вместе со словами песни. А потом Оливия поймала ритм. И всё остальное исчезло само собой. Танцевать она любила всегда. Здесь не нужно было думать. Подбирать слова.

Понимать чужие правила. Музыка входила в тело — и дальше оно уже знало само. Она подняла руки. Рыжие волосы рассыпались по плечам. Развернулась. Снова попала в ритм. Маша что-то выкрикнула и рассмеялась. Оливия ответила ей таким же смехом. Она больше не помнила, что ещё недавно боялась этой толпы. Не видела чужих взглядов.

Не пыталась выглядеть красивой. Просто танцевала. Легко. Свободно. Всем телом. Будто музыка не играла вокруг — проходила прямо через неё.

— Северин.

Денис продолжал слушать какую-то историю Антона.

Кто-то хлопнул его по плечу.

— А она ничего.

Денис нахмурился.

— Кто?

Парень усмехнулся и подбородком указал ему за спину.

— Твоя рыжая.

— Она не моя, — отозвался Денис, хотя никто не спрашивал его об этом.

— Ну да.

Ещё один засмеялся.

— Конечно не твоя. Именно поэтому ты последние полчаса проверяешь, где она.

— Закройся.

— Ты сначала обернись.

Денис обернулся. И замолчал. Оливия танцевала. Она танцевала для себя, не зная, что он наблюдает за ней.

Стояла чуть в стороне от Маши, запрокинув голову, смеялась чему-то, потом снова попадала в музыку. Её длинные рыжие волосы двигались вместе с ней — вспыхивали медью каждый раз, когда до них добирался свет огня. Денис больше не слышал, что говорят рядом. Оливия повернулась. Бёдра легко поймали ритм. Подняла руки, собрала волосы на мгновение и тут же отпустила.

Снова рассмеялась. В ней не было ни капли кокетства. Она вообще не знала, что на неё смотрят. И именно поэтому отвести от неё глаза оказалось невозможно.

— Горячая штучка, — протянул кто-то рядом.

Денис медленно повернул голову. Парень сразу поднял руки.

— Всё-всё. Молчу.

Кто-то засмеялся. Но Денис уже не слушал. Он снова смотрел на Оливию. Как она запрокидывает голову от смеха, как легко возвращается к музыке, не замечая ни чужого внимания, ни собственных растрепавшихся волос. И вдруг та уверенность, с которой Денис привык разбираться во всём на свете, оказалась бесполезна. Он мог бы объяснить себе её красоту, необычные глаза, вспыхнувшее на аллее чувство что он ее уже знает. Но объяснить, почему ему стало так необходимо видеть её счастливой, не получалось.

Он влюбился.

Мысль прозвучала просто, без всякой торжественности, и от этой простоты уже нельзя было отмахнуться. Денис ещё несколько секунд стоял неподвижно. Потом оставил друзей посреди разговора.

— Ты куда? — крикнул Антон.

Он даже не ответил. Оливия не сразу заметила его приближение. Сначала она почувствовала ладонь у себя на плече — тёплое, осторожное прикосновение. На пол движении замерла. Обернулась. Денис стоял совсем близко.

Между ними всё ещё гремела музыка, плясали отсветы пламени, слышался Машин смех. Но Денис смотрел на Оливию так серьёзно, что та перестала замечать окружающий шум и невольно опустила глаза.

Его ладони осторожно легли ей на талию. Оливия не отступила, положила руки ему на плечи, и они стали двигаться вместе, поначалу неловко, затем всё увереннее, подстраиваясь под общий ритм. Оливия пыталась смотреть куда-то в сторону. На Машу. На огонь. На людей. Но взгляд всё равно возвращался к Денису.

Он чуть приблизил её, и Оливия почувствовала, как двигаются под её ладонями его плечи, как легко в этом простом движении сменилось прежнее смущение. Она вспомнила, как несколько часов назад боялась даже сесть к нему на мотоцикл. И почти рассмеялась от этой мысли.

— Что? — спросил Денис.

Ей пришлось наклониться ближе, чтобы услышать.

— Ничего.

— Врёшь.

Уголок его губ дрогнул, но он не стал продолжать шутку. Музыка постепенно менялась. Стремительный ритм уступил место негромкой мелодии, и танцевавшие вокруг пары замедлили движения. Маша, весело подмигнув Оливии, увлекла Антона в сторону, оставив их вдвоём.

Денис по-прежнему держал её за талию, и они некоторое время танцевали молча. Оливия была счастлива и в то же время смущалась так, что, стоило поднять глаза, как она встречала его внимательный взгляд и забывала, что собиралась сказать. Ветер бросил непослушную прядь ей на щёку. Денис осторожно убрал её за ухо, на мгновение задержав пальцы у виска. От этого простого прикосновения Оливия перестала улыбаться. Она посмотрела на него, и сердце дрогнуло от догадки, к которой ещё не успела привыкнуть.

Денис склонился к ней, но остановился, не коснувшись губ. Он не торопил её, не пытался превратить мгновение в шутку — только ждал. Оливия чувствовала его дыхание и видела, каким непривычно серьёзным стало знакомое лицо. Она могла бы сейчас рассмеяться, отвернуться, сказать что-нибудь дерзкое, чтобы скрыть волнение. Но ей вдруг совсем не захотелось ничего скрывать. И она сама чуть потянулась ему навстречу.

Северин поцеловал её. Легко, бережно, словно боялся спугнуть. Оливия закрыла глаза. От первого прикосновения у неё перехватило дыхание, а сердце забилось с такой радостью, что захотелось и рассмеяться, и расплакаться. Денис чуть отстранился, не размыкая объятий, и заглянул ей в лицо. В его взгляде было столько неожиданной для него самого нежности, что она улыбнулась — растерянно, счастливо — и, обняв его за шею, сама потянулась к нему снова.

На этот раз они уже не боялись ошибиться. Денис крепче обнял её, Оливия доверчиво прижалась к нему, и сама поцеловала его. Её пальцы коснулись его волос, шеи, а ладонь Дениса бережно лежала на её спине. Вокруг звучала музыка, колыхался свет огня, переговаривались люди. Всё это оставалось на своих местах, но Оливия слышала словно издали. Когда Денис немного отстранился, она ещё несколько мгновений стояла с закрытыми глазами. Потом подняла ресницы и увидела его улыбку — ту самую, что однажды остановила её на вишнёвой аллее.

И тут у них за спинами раздался оглушительный свист.

Оливия вздрогнула, рассмеялась и спрятала лицо у него на груди. Денис обнял её, заслоняя от веселившихся друзей, и негромко произнёс:

— Я их убью.

Она подняла голову, всё ещё смущённая, но уже не в силах перестать улыбаться.

— Даже не думай!

Он рассмеялся, а Оливия сама прижалась к нему чуть крепче. Ей совсем не хотелось, чтобы этот танец заканчивался.

Они продолжали танцевать, и Оливия, уже начала привыкать к близости Дениса, внезапно вспомнила вопрос, который не давал ей покоя со вчерашнего вечера.

— Денис, а зачем ты меня искал?

Он чуть склонил голову, стараясь расслышать её за музыкой.

— Когда?

— Вчера. Возле моей квартиры ты сказал, что искал меня. Зачем?

Денис некоторое время молчал, глядя на неё с задумчивой улыбкой.

— Ты напомнила мне одну девочку. Маленькую, рыжую, с зелёными глазами. Я встретил её очень давно, когда был ребёнком. Она подошла ко мне у пруда и протянула вишню.

Оливия удивлённо подняла глаза.

— Вишню?

— Представляешь? — Он улыбнулся. — Почему-то я её запомнил на всю жизнь.

Она задумалась. В памяти мелькнуло что-то далёкое, почти забытое: берег пруда, солнечный день, мальчик, сидевший в траве.

— А ты мне напомнил маленького мальчика у пруда, — задумчиво произнесла Оливия.

— У какого пруда?

— В Царицынском парке[5]. Мы раньше жили в Москве, неподалёку. Мама часто водила меня туда гулять. Мне было года три, наверное. Я помню мальчика, который сидел у воды и плакал. Мне стало его жалко, и я подошла к нему… Кажется, у меня были вишни.

Денис чуть замедлил шаг.

— В Царицыне? — переспросил он.

— Да. А что?

— Я тоже бывал там в детстве. — Он посмотрел на неё внимательнее. — И девочку с вишней помню.

Оливия удивлённо улыбнулась.

— Серьезно?

— Представь себе.

Некоторое время они продолжали танцевать молча. Оливия пыталась вспомнить лицо того мальчика, но в памяти сохранились лишь берег пруда, летний день и маленькая фигурка, сидевшая у самой воды.

— Знаешь, я ведь даже не уверена, что правильно всё помню, — призналась она. — Столько лет прошло.

— А я помню, — тихо ответил Денис. — Ты протянула мне одну и спросила, почему я плачу.

Оливия задумчиво улыбнулась. Она пыталась представить того маленького мальчика рядом с собой, узнать в нём человека, с которым сейчас танцевала, но детские воспоминания ускользали, оставляя лишь смутные, согретые летним солнцем образы.

Денис смотрел на неё с необыкновенной нежностью. Потом обнял чуть крепче, привлёк к себе и, склонив голову, ласково поцеловал её в рыжие волосы.

— Теперь я точно уверен, что это была ты, — произнёс он тихо, почти у самого её уха.

Оливия прижалась щекой к его плечу и улыбнулась. Они продолжали медленно покачиваться в такт музыке, и Денис ещё долго не выпускал её из объятий.

— Подожди, а как ты вообще узнал, где я живу?

— У Вадика спросил.

— У нашего Вадика?

— У вашего, — усмехнулся Денис. — После встречи на аллее спросил, не знает ли он рыжую девушку, которая недавно появилась в городе. Он сразу назвал твоё имя и рассказал, в каком доме ты живёшь.

— И ты поехал меня искать?

— Поехал. Увидел, как ты заходишь в подъезд, оставил мотоцикл и пошёл следом. Хотел наконец познакомиться.

Оливия невольно улыбнулась.

— Оригинальный способ знакомства у нас получился.

Денис не поддержал шутку.

— Когда я услышал твой крик, уже было не до знакомств.

---

[5] Царицыно — дворцово-парковый ансамбль на юге Москвы, известный постройками XVIII века, пейзажным парком и прудами.

Она опустила глаза. Вспоминать о случившемся по-прежнему было тяжело. Денис не стал расспрашивать её, только чуть крепче придержал за талию, когда они снова начали двигаться в такт музыке.

— Я очень рада, что ты меня нашёл, — сказала Оливия.

Он посмотрел на неё, и она увидела, как изменилась его улыбка.

— Я тоже, Оливия. Очень.

Минут через десять они вернулись к ребятам. Оливия снова надела его куртку. Теперь уже не споря. У горящих бочек внезапно раздался громкий голос:

— А теперь давайте по-честному! Кто сегодня у нас главный? Скорость скоростью, а сила где?

Сразу послышался свист, смех, одобрительные выкрики.

— Подтягивания!

— Нет, отжимания!

— Северина сюда!

— Пусть покажет, что не только ручку газа крутить умеет!

Оливия обернулась. У одной из железных перекладин, вбитых между старыми бетонными опорами, уже собирались ребята. Кто-то стягивал куртку, кто-то, смеясь, закатывал рукава, кто-то подзадоривал остальных.

Денис стоял чуть в стороне, качая головой, но в глазах у него уже появилось то знакомое выражение — спокойное, насмешливое, чуть опасное.

— Даже не думай, — тихо сказала Оливия, подойдя ближе.

Он повернул к ней голову.

— Почему?

— Потому что вы все сумасшедшие.

— Это ты уже сегодня говорила раза три.

— И повторю ещё раз.

Он усмехнулся.

— Поздно. Меня уже записали.

— Я не шучу, Денис.

— Я тоже.

И, не сводя с неё глаз, стянул через голову футболку. Оливия замолчала. В свете огня она увидела его широкие загорелые плечи, сильные руки и ровный рисунок мышц на животе. Оливия знала, что Денис силён, но теперь почему-то смутилась так, словно он разделся перед ней одной. Она поспешно отвернулась и через мгновение, сердясь на себя, украдкой взглянула снова.

Рядом кто-то засвистел.

— О-о-о, Северин, да ты решил добить всех окончательно!

— Девушку пожалей!

— Поздно, — хохотнул другой. — Уже всё, пропала девушка.

Оливия хотела возмутиться, но вместо этого только сильнее сжала пальцы. Денис, кажется, услышал. Оглянулся на неё через плечо. И едва заметно подмигнул. От этого она смутилась ещё сильнее.

— Подтя-я-гивания! — протянул кто-то. — На спор! До последнего!

У перекладины стояли двое соперников: высокий светловолосый парень с расстёгнутой рубашкой и крепкий коренастый юноша с самоуверенной ухмылкой.

— Только потом не нойте, — лениво бросил Денис.

— Это ты потом не ной, — ответили ему.

Кто-то хлопнул в ладони. Толпа сгрудилась полукругом у перекладины. В огне бочек вспыхивали лица, блестели плечи, мелькали руки. Девушки смеялись, парни орали, спорили,

уже делали ставки. Оливия осталась чуть сбоку. Сердце стучало странно и быстро. Не от страха уже. От какого-то нового, почти восторга.

— Готовы? — крикнул парень в бейсболке. — Раз! Два! Три!

Они одновременно повисли на перекладине. Первые подтягивания дались всем легко. Толпа сразу взревела:

— Давай!

— Ещё!

— Северин, не позорь нас!

— Считай честно, придурок!

Денис подтягивался ровно, без рывков и лишней суеты. Каждый раз подбородок поднимался над перекладиной, руки разгибались до конца, и он начинал следующее движение. Ни разу не покосился на соперников, словно просто выполнял привычное упражнение. Оливия смотрела, затаив дыхание. На пятнадцатом один из соперников спрыгнул сам под общий гул.

На двадцатом второй начал сбиваться. Денис продолжал. Спокойно. Ровно. Упрямо.

— Двадцать один!

— Двадцать два!

— Двадцать три!

Теперь весь полукруг считал хором, перекрывая музыку и треск горящих дров. Оливия сама не заметила, как тоже начала шептать вместе со всеми:

— Давай... давай...

На двадцать пятом светловолосый всё-таки сорвался и, тяжело выдохнув, спрыгнул вниз.

— Всё! Всё, хватит! — засмеялся он, хватаясь за перекладину. — Чёрт с тобой, Северин!

Но Денис сделал ещё одно. Будто просто чтобы никто не усомнился. Потом легко спрыгнул на землю. И в ту же секунду толпа взорвалась.

— Севе-рин!

— Севе-рин!

Кто-то первым бросился к нему, потом ещё двое, ещё. Через секунду ребята уже подхватили его на руки. Оливия невольно рассмеялась. Денис, запрокинув голову, только качал ею и пытался отбиться:

— Да отстаньте вы, идиоты!

Но его не слушали.

— Чемпион!

— Король вечера!

— Северин, женись на перекладине!

— Уже поздно! — выкрикнул кто-то и махнул в сторону Оливии. — У него другие планы!

Толпа дружно загудела. Щеки Оливии вспыхнули ещё сильнее. Денис наконец вывернулся из дружеских объятий и направился к ней. Он всё ещё смеялся, а Оливия вдруг смутилась под взглядом ребят, которые явно ждали продолжения. Он остановился совсем близко.

— Ну? — спросил тихо.

Оливия попыталась сохранить серьёзное лицо.

— Очень собой доволен?

— Есть немного.

— Самовлюблённый.

— А ты покраснела.

— Неправда.

Он наклонился чуть ближе.

— Правда.

Она хотела что-то ответить, но не успела. Потому что Денис обнял за плечи, не отрывая взгляда, легко притянул к себе.

Теперь Денис уже знал, что она ответит, и поцеловал её с открытой, счастливой нежностью. Оливия улыбнулась сквозь поцелуй и сама шагнула ближе. За спиной кто-то засвистел ещё громче. Кто-то закричал что-то совершенно невозможное. Денис оторвался от неё, коротко усмехнулся, но руку не отпустил.

— Нам пора, — сказал он тихо.

— Уже?

— Тебя дома ждут.

Она подняла на него сияющие, ещё немного смущённые глаза.

— А ты?

Он переплёл её пальцы крепче.

— А я тебя отвезу.

Позади по-прежнему смеялись, спорили, гремела музыка, вспыхивал огонь в железных бочках, кто-то уже звал новых желающих к перекладине.

Вечеринка продолжалась, но Оливия уже почти не вслушивалась в чужие голоса. Она держала Дениса за руку и улыбалась, зная, что впереди у них ещё дорога.

Глава 9. Разговор с отцом

Когда Оливия вернулась, дом уже спал.

Во дворе было тихо. Под тусклым фонарём неподвижно стояли припаркованные машины, на балконах темнело развешанное с вечера бельё. Только где-то за соседними пятиэтажками лаяла собака, а в окне напротив мерцал голубоватый свет телевизора.

Денис проводил её до квартиры и дождался, пока она откроет дверь. Уже зайдя домой, Оливия невольно улыбнулась, вспомнив, как он поцеловал её на прощание. Ей всё ещё не верилось, что этот невероятный вечер произошёл с ней на самом деле.

Осторожно прикрыв за собой дверь, сняв ботинки она направилась в свою комнату.

— Далеко собралась?

Оливия остановилась посреди коридора.

На кухне горел свет.

Она заглянула в приоткрытую дверь. Отец сидел у окна, за столом, перед ним стояли кружка с недопитым чаем и пепельница с несколькими окурками. Форточка была открыта, и прохладный майский воздух едва заметно шевелил занавеску. Лев Иванович повернул к ней голову.

— Привет, пап.

— Привет, обманщица. Заходи, раз уж вернулась.

По голосу было трудно понять, сердится он или нет. Оливия прошла на кухню, осторожно отодвинула стул и села напротив. Отец некоторое время рассматривал её, и от этого внимательного взгляда она почувствовала себя совсем маленькой.

В детстве, когда ей снились страшные сны, она приходила к нему среди ночи, забиралась на колени и обнимала за шею. Он никогда не отправлял её обратно в постель, пока она не успокаивалась. Мог сидеть с ней часами, рассказывая что-нибудь вполголоса, и страх постепенно исчезал. Даже самые жуткие чудовища не решались приближаться, когда рядом был папа.

Сейчас ей вдруг захотелось сделать то же самое — подойти, обнять его и уткнуться лицом в плечо. Но она уже почти взрослая, да и обстоятельства были совсем другими.

Лев Иванович смотрел на неё без улыбки. За последний год у него прибавилось седины на висках, глубже обозначились складки возле рта. Оливия замечала это и раньше, но сейчас, при свете маленькой кухонной лампы, изменения бросились в глаза особенно отчётливо. Отца выматывала новая работа, бесконечные встречи, чужие жалобы и собственное упрямое желание во всём разобраться.

— Мать знаешь сколько раз просыпалась? — спросил он.

Оливия опустила глаза.

— Прости. Мы задержались.

— Вижу, что задержались. Я вчера уверял её, что семнадцать лет бывает только раз в жизни. Теперь она мне это до старости припоминать будет.

Оливия не удержалась от улыбки, но отец остался серьёзным.

— Лёка, я не собираюсь запрещать тебе гулять с друзьями. Но когда ты обещаешь вернуться к вечеру, а приходишь глубокой ночью, ты должна понимать, что мы чувствуем.

— Я знаю, пап. Правда. Просто всё так получилось...

— Вот это «так получилось» меня и беспокоит. Ты хотя бы представляешь, сколько всего успевает передумать мать, пока тебя нет?

Она кивнула. После недавней истории со Славкой беспокойство родителей было вполне понятным. Оливия и сама, пожалуй, не отпустила бы на их месте дочь на целый вечер. Но тогда, рядом с Денисом, ей хотелось забыть обо всём, что произошло.

— Он тебя проводил? — спросил отец.

— Да. До самой квартиры.

— Как зовут, помню. Денис. Северин, кажется?

— Северин.

Лев Иванович задумчиво повертел в руках чайную ложку.

— Лихо он на мотоцикле ездит.

— Очень хорошо, — поспешно ответила Оливия. — Он давно водит.

— Это я заметил. — Отец взглянул на неё поверх кружки. — Ты только не путай умение ездить с бессмертием, договорились?

— Договорились.

На этот раз он улыбнулся, и она немного расслабилась.

От Оливии пахло дорожной пылью, дымом костров и чужими духами. Волосы спутались от ветра, на лице ещё оставались следы недавнего счастья — того самого, которое невозможно спрятать, сколько ни старайся придать себе обычный вид.

— Понравилась взрослая жизнь? — спросил Лев Иванович.

Она покраснела.

— Пап...

— Что «пап»? Я просто спрашиваю.

— Понравилась, — призналась Оливия после небольшой паузы. — Очень.

И, произнеся это, неожиданно для самой себя улыбнулась так открыто, что отец тихо рассмеялся.

— Ну и славно.

Он подвинул к ней чайник.

— Будешь чай?

— Буду.

Лев Иванович встал, достал с полки её любимую кружку и налил чай, ещё сохранявший слабое тепло. Потом придвинул вазочку с печеньем, хотя прекрасно знал, что в такое время она вряд ли станет есть. Это была одна из его привычек: прежде чем начинать серьёзный разговор, убедиться, что человеку рядом удобно.

Оливия взяла кружку обеими руками. На кухне было тихо. С улицы доносился редкий шум машин, а старые часы над дверью с негромким щелчком отсчитывали минуты.

— Знаешь, — заговорил отец, возвращаясь к своему месту, — когда мне было столько же, сколько тебе сейчас, я был совершенно уверен, что проживу другую жизнь.

Оливия подняла глаза.

Отец редко говорил о себе. Она знала его рассказы об экспедициях, любила разглядывать старые фотографии, но о том, каким он представлял собственное будущее, почти ничего не слышала.

— Какую?

— Большую, — ответил он просто. — Мне казалось, что я объеду весь свет. Не туристом, понимаешь, а своими ногами. Чтобы знать, где под ними земля, какая она, что было здесь тысячи лет назад. Я тогда только и думал о горах, о новых маршрутах, о местах, куда ещё никто из наших не добирался.

Он улыбнулся, вспомнив что-то своё.

— Мы ведь всю страну исколесили. Баренцево море, Камчатка, Алтай, Урал... Поезда, в которых едешь по несколько суток, станции посреди ничего, палатки, костры. Поднимешься утром — перед тобой горы до самого горизонта. И кажется, что в жизни нет ничего невозможного.

— А ты правда видел медведей на Камчатке? — спросила Оливия.

— Видел. И не раз. Только самое интересное обычно происходило не тогда, когда мы их искали, а когда совсем не хотели встречаться.

Она рассмеялась.

— Например?

— Например, когда один любопытный товарищ решил проверить наши запасы. Мы утром обнаружили, что у палатки кто-то основательно похозяйничал.

— Медведь?

— Он самый. А наш начальник отряда потом целую неделю пересчитывал оставшиеся продукты, будто от этого их могло стать больше.

Оливия засмеялась громче, и отец тоже не удержался.

— И вы не испугались?

— Ещё как. Только в молодости страх быстро проходит, особенно когда рядом друзья и потом есть над чем посмеяться.

Он отпил чай, поставил кружку и на некоторое время задумался.

— Однажды мы с ребятами заблудились в тайге. Серьёзно. Трое суток выходили к людям почти без еды. Карта промокла, погода испортилась, знакомые ориентиры исчезли. В какой-то момент даже спорить перестали, куда идти. Просто экономили силы.

Оливия перестала улыбаться.

— И что вы делали?

— Шли. Искали воду, пытались разобраться, где находимся. Один из нас натёр ноги так, что едва передвигался, пришлось делить его вещи между собой. Ночью разводили костёр и сушили ботинки, а утром надевали их всё равно сырыми.

— Ты боялся?

Лев Иванович посмотрел на дочь.

— Конечно. Только тогда мне было стыдно в этом признаваться. Молодость вообще очень боится показаться слабой.

— А сейчас?

— Сейчас я бы первым сказал, что страшно. Может, и вышли бы быстрее, если бы с самого начала перестали изображать героев.

Он улыбнулся, но Оливия почувствовала, что за этими словами скрывалось куда больше, чем забавная история из молодости.

— И всё-таки мы были счастливые, — продолжил отец. — Денег почти не водилось. Вечно чего-то не хватало. Зато сколько было всего впереди! Мы строили планы, ссорились из-за пустяков, мирились, пели под гитару до рассвета. Помню один студенческий поход на Алтай. Там я, между прочим, влюбился так, что на неделю забыл обо всех своих геологических интересах.

— Правда? — Оливия оживилась. — И что потом?

— Потом девушка уехала домой, а я остался с полным рюкзаком образцов и разбитым сердцем.

Оливия рассмеялась.

— Папа!

— А что ты думала? Я тоже когда-то был молодым. И, представь себе, не всегда разумным.

Он говорил без сожаления. Перед Оливией постепенно возникал совсем другой человек — светловолосый, загорелый парень с гитарой, которого она знала по выцветшим фотографиям. На одной из них он стоял на ледников в распахнутой куртке, смешной вязаной шапке и сигаретой в зубах, на другой смеялся, запрокинув голову, среди таких же молодых и счастливых людей. В этих снимках было что-то удивительно свободное. Казалось, их герои ещё не знали, что жизнь может потребовать от них отказаться от собственных планов.

— Ты часто вспоминаешь то время? — спросила она.

— Чаще, чем раньше, — признался отец.

Он покрутил кружку, собирая пальцем капли с её края.

— Потом всё изменилось. Страна, в которой мы выросли, перестала существовать. Вместе с ней исчезло многое из того, во что мы верили. Кто-то сумел быстро приспособиться, кто-то не смог. Экспедиции закрывались, зарплаты не платили месяцами, люди хватались за любую работу. Вчерашние учёные торговали на рынках, инженеры стояли за прилавками. И никто уже особенно не говорил о будущем. Главное было пережить сегодняшний день.

Оливия слушала, не перебивая. Девяностые она помнила смутно: тревожные разговоры взрослых, пустоватые магазинные полки в какие-то месяцы, отцовские долгие отлучки, мамино лицо, становившееся особенно серьёзным, когда речь заходила о деньгах. Тогда она ничего толком не понимала. Мир казался устойчивым уже потому, что родители были рядом.

— Но вы же справились, — сказала она.

— Справились. Куда деваться? — Он пожал плечами. — Только это не совсем то же самое, что жить так, как хотел.

За окном шелестели молодые листья. Отец взглянул туда, где между домами едва угадывалась пустая ночная улица.

— Знаешь, Лёка, человек очень быстро привыкает жить без мечты. Сначала думает: немного потерплю, потом наверстаю. Потом появляются новые заботы, новые причины отложить задуманное. А через несколько лет вдруг обнаруживает, что перестал даже вспоминать, чего когда-то хотел.

— А ты перестал?

Он не сразу ответил.

— Нет. Иначе я бы давно стал совсем другим человеком. Но многое отложил. Что-то потерял. С чем-то пришлось попрощаться.

— Ты жалеешь?

— Иногда. О каких-то решениях — да. О тебе, Тае и маме — никогда.

Он произнёс это без улыбки, спокойно и уверенно. Оливия почувствовала, как отступает странная тревога, возникшая у неё при его словах о несбывшейся жизни.

— Просто, когда у тебя появляется семья, — продолжил отец, — ты уже не можешь думать только о собственных желаниях. Это нормально. Плохо, когда однажды начинаешь убеждать себя, будто желаний у тебя вообще никогда не было.

Оливия медленно кивнула. Она смотрела на его руки — большие, с огрубевшими пальцами, помнившими тяжесть молотка и холод камней. Теперь эти руки чаще держали документы и телефонную трубку. Ей вдруг стало жаль не сегодняшнего отца, а того молодого геолога с фотографий, чья жизнь сложилась совсем не так, как он надеялся.

— Пап, а почему ты тогда согласился сюда переехать? — спросила она.

Лев Иванович посмотрел на неё внимательнее.

— Ты всё ещё сердишься?

— Я не знаю.

Она помолчала, выбирая слова.

— В Москве всё было понятно. Я знала, где мой дом, где мои друзья, куда пойти, если мне грустно. Даже улицы были свои. А здесь... Здесь я иногда чувствую, что мне вообще нет места.

Отец не стал сразу возражать.

— Понимаю.

— Нет, ты не понимаешь, — вырвалось у неё. — Ты здесь работаешь, тебе постоянно кто-то звонит, куда-то зовёт. Тебя все знают. А меня тоже знают, только совсем не так, как мне хотелось бы.

Лев Иванович молчал.

Оливия отвела глаза, но, раз начав говорить, уже не могла остановиться.

— Они всё время решают за меня, какая я. Даже не пытаются узнать. Для них я московская выскочка, которая думает, что лучше всех. А я ничего такого не думаю! Я просто хочу нормально учиться, разговаривать с людьми, дружить. Неужели это так много?

— Нет, Лёка. Не много.

— И знаешь, что хуже всего? Иногда мне хочется начать вести себя точно так же. Нагрубить, унизить кого-нибудь, сделать больно. Чтобы они хоть раз почувствовали то же самое.

Отец медленно опустил взгляд на её руки. На запястье ещё оставался едва заметный след после недавней ссоры и всего, что произошло затем. Она поспешно прикрыла его рукавом.

Лев Иванович заметил это движение, но ничего не сказал.

— Ты злишься, — произнёс он наконец.

— Конечно, злюсь!

— И имеешь на это право.

Оливия удивлённо посмотрела на него.

— Но злость — плохой советчик, — продолжил отец. — Особенно когда начинаешь принимать решения только затем, чтобы кому-нибудь что-нибудь доказать.

Она с досадой откинулась на спинку стула.

— Значит, надо просто терпеть?

— Я разве это сказал?

— Нет, но...

— Защищать себя нужно. Иногда жёстко. Только не позволяй чужой подлости определять, каким человеком станешь ты.

Оливия задумалась.

— А если по-другому не получается?

— Получается не всегда. И я вовсе не жду, что ты никогда не ошибёшься. Но ты должна хотя бы понимать, ради чего поступаешь именно так.

Он немного помолчал, потом добавил:

— Мне кажется, тебя здесь мучает не только чужое отношение. Ты боишься, что однажды привыкнешь к нему. Что начнёшь жить по тем правилам, которые сама презираешь.

Оливия опустила глаза.

— Наверное, — тихо сказала она.

Лев Иванович подвинул к ней вазочку с печеньем, хотя она так и не притронулась к угощению.

— Послушай, Лёка. Я не могу прожить твою жизнь за тебя. И не хотел бы, даже если бы мог.

— Почему?

— Потому что тогда это была бы моя жизнь, а не твоя.

Он улыбнулся, заметив, как она нахмурилась, пытаясь уловить его мысль.

— Я тебе сегодня рассказал, как мы заблудились в тайге.

— Я помню.

— Там была одна неприятная вещь. Иногда казалось, что проще идти под уклон. Спускаться всегда легче, особенно когда устал. Но мы знали, что внизу болото. А нужный перевал находился выше, за хребтом. И приходилось подниматься, хотя ноги уже не держали.

Он провёл пальцем по столу, как когда-то, должно быть, проводил карандашом по карте.

— С жизнью бывает похоже. Можно идти куда глаза глядят, спотыкаться, разбивать колени и каждый раз удивляться, почему снова оказался не там. Можно просто катиться вниз, потому что так легче и все вокруг делают то же самое. А можно выбрать дорогу в гору. Тяжёлую, долгую. Иногда придётся идти одному, иногда возвращаться и искать другой путь.

Оливия слушала его очень внимательно.

— И как понять, что выбрал правильно?

Отец задумался.

— Наверняка — никак. Не существует такой карты, где все будущие ошибки уже отмечены красным карандашом. Но ты должна знать, куда хочешь прийти. Иначе однажды обнаружишь, что всю жизнь шла туда, куда тебя толкали другие.

Он посмотрел ей прямо в глаза.

— Поэтому всегда думай, дочь, где ты хочешь оказаться в конце.

Оливия опустила взгляд на чай. В кружке давно уже не было ни тепла, ни запаха свежей заварки, но она продолжала держать её в руках.

— А если я не знаю?

— Сейчас и не обязана знать. Тебе семнадцать. Ты ещё столько раз передумаешь, что мы с матерью устанем следить за твоими планами.

Она улыбнулась.

— Но есть вещи, — продолжил отец, — о которых лучше договориться с собой заранее.

— Например?

— Что для тебя допустимо, а что нет. Чем ты готова пожертвовать ради цели, а чем не поступишься ни за какие обещания. Кто ты, когда никто не смотрит и некому тебя похвалить.

Он произнёс это спокойно, без желания произвести впечатление. Просто поделился тем, к чему сам пришёл не сразу.

— Ошибаться ты будешь обязательно, Лёка. И иногда очень серьёзно. Не бойся этого. Самое опасное — не ошибки. Ошибаются все. Самое опасное — однажды предать себя ради того, чтобы стать удобным.

Оливия подняла глаза.

— Удобным?

— Конечно. Удобным начальнику, соседям, друзьям, человеку, которого любишь. Чтобы никого не огорчать, ни с кем не спорить, всем нравиться. Так можно незаметно прожить чужую жизнь.

— Но ведь нельзя всё время поступать только по-своему?

— Нельзя. Есть ответственность, есть близкие, есть чужая боль. Иногда приходится уступать, и в этом нет ничего постыдного. Только уступить ради другого человека и отказаться от себя из страха — разные вещи. Постарайся не путать.

Некоторое время они сидели молча.

Оливия думала о школе, о Юле, о том, как отчаянно хотела понравиться новым одноклассникам в первые дни после переезда. О том, как больно оказалось узнать, что некоторые из них никогда и не собирались принимать её. А ещё о Денисе, который неожиданно появился в её жизни и рядом с которым ей почему-то не приходилось придумывать, какой быть.

Она невольно улыбнулась.

Отец заметил.

— Что?

— Ничего.

— Опять ничего? — Он прищурился. — Лёка, с тобой сегодня совершенно невозможно разговаривать. То ты чуть не плачешь, то улыбаешься неизвестно чему.

— Ну пап!

Он рассмеялся.

— Ладно, ладно. Не буду спрашивать.

Но через несколько секунд всё же добавил:

— Парень-то хороший?

Оливия взглянула на него, помедлила и кивнула.

— Мне кажется, да.

— Вот и замечательно. Только «кажется» — пока разумное слово. Не спеши делать выводы о людях.

Она снова покраснела и поспешно взяла печенье, лишь бы занять руки.

Лев Иванович не стал её дразнить. Вместо этого поднялся, открыл форточку пошире и несколько мгновений постоял у окна. Ночной воздух становился прохладнее. Во дворе всё ещё было темно, но тишина уже менялась: вдали проехала первая ранняя машина, где-то коротко скрипнула подъездная дверь.

— Пап, — позвала Оливия.

— М?

— А ты хотел бы всё начать сначала?

Он обернулся.

— Что именно?

— Ну... свою жизнь. Если бы можно было вернуться назад. Поехать снова в экспедиции, объехать мир. Не становиться мэром, не переезжать сюда.

Лев Иванович вернулся к столу.

— Интересный вопрос.

Он сел, задумчиво потёр подбородок.

— Я бы многое сделал иначе. Наверное, меньше боялся бы перемен. Не откладывал бы некоторые вещи. Старался бы чаще бывать рядом с теми, кого люблю.

Оливия слушала, не отводя взгляда.

— Но знаешь, чего я точно не хотел бы изменить? Чтобы у меня однажды появилась рыжая девчонка, которая среди ночи прибегала ко мне после страшных снов и требовала немедленно прогнать всех чудовищ.

Оливия рассмеялась.

— Я не требовала!

— Ещё как требовала. Причём очень настойчиво.

— Потому что ты обещал, что они не вернутся.

— И ведь не возвращались.

— Пока ты был рядом, — сказала она.

Отец улыбнулся и осторожно накрыл её ладонь своей.

— А я и сейчас рядом, Лёка.

Эти слова неожиданно растрогали её сильнее всех его рассказов. Она вспомнила недавний вечер в подъезде, собственный испуг и то отчаянное желание оказаться дома, где ничего дурного не могло произойти. Вспомнила, как отец пытался добиться от неё подробностей и как трудно было выдерживать его тревожный взгляд.

Сейчас она понимала, что ему тоже было страшно. Только взрослые редко позволяют себе показывать страх детям.

— Прости, что заставила вас волноваться, — сказала она.

— В следующий раз просто предупреди. Хорошо?

— Хорошо.

Он отпустил её руку и потянулся к пачке сигарет, но, посмотрев на почти полную пепельницу, передумал.

— А вообще, знаешь, — сказал он, — ты очень похожа на меня в молодости.

— Это плохо?

Лев Иванович тихо рассмеялся.

— Для спокойной жизни — ужасно.

— Спасибо, пап. Утешил.

— Пожалуйста. Обращайся.

Они засмеялись оба.

И Оливия вдруг поняла, как ей не хватало именно таких вечеров — когда не нужно торопиться, когда отец никуда не спешит, а она может говорить обо всём, даже о том, в чём сама ещё толком не разобралась.

— Я ведь не хочу всю жизнь прожить здесь, — призналась она спустя некоторое время.

— Я знаю.

— И не потому, что город плохой. Просто мне кажется, что где-то есть совсем другая жизнь. Столько всего, чего я ещё не видела. Я хочу учиться, ездить по миру, знакомиться с людьми. Хочу, чтобы каждый день был не похож на предыдущий.

Она замолчала, ожидая, что отец скажет о необходимости быть разумной и не строить слишком смелых планов.

Но Лев Иванович смотрел на неё с доброй, немного грустной улыбкой.

— Вот и правильно.

— Правда?

— Конечно.

— А ты не обижаешься? Ведь ты сюда приехал работать...

— Лёка, почему я должен обижаться на то, что моя дочь хочет увидеть мир? Было бы гораздо печальнее, если бы она ничего не хотела.

Он помолчал, потом добавил:

— Ты ведь не для этого мира родилась, Оливия.

Она посмотрела на него с любопытством.

— А для какого?

Отец улыбнулся.

— Для большого.

Оливия не сразу нашлась что ответить.

За этими простыми словами не стояло обещание лёгкой судьбы. Отец вовсе не говорил, что перед ней однажды откроются все двери и любое желание непременно исполнится. Он лишь не сомневался, что ей найдётся место в жизни гораздо более широкой, чем та, которую она сейчас видела из окна своей комнаты.

— А если у меня ничего не получится? — спросила она.

— Тогда попробуешь ещё раз.

— А если опять?

— Значит, ещё раз. Пока не поймёшь, что тебе действительно нужно.

Он улыбнулся.

— Я же не обещал, что будет легко.

Оливия подумала о горных дорогах, о троих суток в тайге, о промокшей карте и людях, которые продолжали идти, хотя уже не были уверены, где находится нужный перевал.

— Ты бы пошёл в ту экспедицию снова? — неожиданно спросила она.

— В какую?

— Когда вы заблудились.

Лев Иванович задумался, а потом рассмеялся.

— Представляешь, пошёл бы. Только взял бы с собой побольше еды и хорошего картографа.

Она тоже засмеялась.

Разговор понемногу возвращался к его молодости. Лев Иванович вспомнил холодный рассвет на Алтае, когда солнце медленно выбиралось из-за горного хребта и вершины одна за другой начинали светиться розовым, потом он заговорил о Баренцевом море — о низком северном небе, влажном ветре, который не утихал даже ночью, и о том странном чувстве, когда стоишь на холодном берегу и понимаешь, насколько огромен мир.

— Тогда я особенно любил рассветы, — сказал он. — После тяжёлого дня просыпаешься раньше всех, выходишь из палатки, а вокруг тишина. И впереди ещё целый день. Никто не знает, каким он будет.

Оливия слушала, подперев щёку рукой.

Постепенно темнота за кухонным окном начала редеть. Первым посветлел узкий просвет между соседними домами, затем стали различимы балконные решётки, ветви деревьев у подъезда. Воробьи зашумели в кустах под окнами; где-то на верхнем этаже открылась форточка.

Лев Иванович взглянул на часы и удивлённо покачал головой.

— Вот тебе и поговорили.

— Сколько уже?

— Скоро утро.

Она вдруг подумала, что ей хочется запомнить его сейчас. Не потому, что этот вечер был каким-то особенным, просто она так ясно увидела в нём человека, у которого задолго до её рождения была собственная большая жизнь.

Оливия поднялась со стула, обошла стол и обняла его за шею.

Лев Иванович удивился лишь на мгновение, потом прижал её к себе и погладил по волосам — совсем как в детстве.

— Спасибо, пап, — тихо сказала она.

— За что, Лёка?

— За всё.

Он ничего не ответил, только обнял крепче.

Оливия поцеловала его в щёку и направилась к двери кухни.

— Лёка, — окликнул он.

Она обернулась.

— Помни, о чём мы говорили.

— Помню, пап.

Он улыбнулся.

— Тогда иди спать, путешественница. А то мать проснётся и нам обоим достанется.

Оливия тихо рассмеялась и вышла из кухни.

У порога своей комнаты она на мгновение остановилась. Из кухни доносился негромкий звон посуды: отец убирал со стола. За окном становилось всё светлее.

Она ещё не знала, куда приведёт её собственная дорога. Впереди были экзамены, незнакомые люди, расставания, встречи и множество решений, которые сейчас невозможно было даже представить.

Но, засыпая в эту майскую ночь, она думала не о завтрашнем дне и даже не о Денисе.

Она вспоминала отца — молодого, смеющегося, с гитарой среди далёких гор. И его спокойный голос:

«Всегда думай, дочь, где ты хочешь оказаться в конце».

Глава 10. Эта прекрасная пора

В последующие недели время для Оливии словно переменило свой ход. Школьные уроки по-прежнему начинались в восемь утра, учителя напоминали о предстоящих экзаменах, мама по вечерам проверяла, не забыла ли она поужинать, а отец возвращался с работы как всегда усталым. Всё оставалось таким же, но всё-таки время теперь делилось для неё на две совершенно неравные части: ту, в которой был Денис, и ту, в которой она ждала встречи с ним.

Оливия ещё не привыкла к тому, с какой лёгкостью его мотоцикл возникал у знакомого подъезда, как Денис снимал шлем, встряхивал тёмными волосами и поднимал голову к её окнам, заранее зная, что она непременно выглянет.

Он не всегда предупреждал о своём приезде. И, пожалуй, именно эти неожиданные встречи радовали её больше всего.

В один из выходных дней Оливия сидела за письменным столом, обложившись учебниками и конспектами для выпускного экзамена. До экзаменов оставалось совсем немного, а её подготовка продвигалась с переменным успехом. На раскрытой странице лежал исписанный лист с вопросами, на подоконнике остывал чай, из кухни доносились голоса родителей. Окно было распахнуто настежь, и вместе с запахом молодой листвы в комнату проникали дворовые звуки: детские крики, стук мяча, разговоры соседок у подъезда.

Она как раз пыталась сосредоточиться на очередном экзаменационном билете, когда снизу раздался короткий, знакомый сигнал.

Оливия застыла с ручкой в руке. Потом отложила её, прислушалась и, услышав второй сигнал, вскочила из-за стола.

Под окном, у края дворовой дороги, стоял чёрный мотоцикл. Денис сидел уверенно, опираясь ногой на асфальт, и смотрел на пятый этаж. Заметив её, он широко улыбнулся и поднял руку.

— Ты откуда взялся? — крикнула Оливия, перегнувшись через подоконник.

— Издалека!

— Очень содержательно!

— Спускайся!

— Я занимаюсь!

— Я вижу!

Он с самым серьёзным видом посмотрел на часы, показывая, что готов подождать. Оливия рассмеялась, отступила от окна и оглянулась на раскрытые учебники. Пять минут назад экзамены представлялись ей самым важным событием в жизни. Теперь все эти вопросы, даты и определения совершенно утратили прежнюю убедительность.

Она захлопнула тетрадь, схватила со спинки стула кофту и выбежала в коридор.

— Оливия! — окликнула мать. — Ты куда?

— Ненадолго, мам!

Вера Самуиловна появилась в кухонных дверях с полотенцем в руках.

— Что значит ненадолго? Ты же занималась.

— Я потом всё доучу.

— Так я и знала! — Мать выразительно посмотрела на мужа, сидевшего за кухонным столом. — Стоило этому мотоциклу появиться, как все экзамены закончились!

Лев Иванович оторвался от газеты.

— А может, человек приехал проверить её знания?

— Лёва!

Оливия рассмеялась, подбежала к отцу, поцеловала его в щёку, затем так же быстро чмокнула мать.

— Я скоро. Обещаю!

— К девяти домой! — успела крикнуть вслед Вера Самуиловна.

Лестничные пролёты она преодолела почти бегом. На первом этаже остановилась всего на мгновение, чтобы поправить волосы и отдышаться, но, увидев Дениса через стекло подъездной двери, снова забыла обо всех попытках выглядеть спокойной.

Он уже слез с мотоцикла и ждал у входа.

— Здравствуй, — сказал Денис, едва она появилась.

— Здравствуй.

Он обнял её, и она с готовностью шагнула навстречу, обвив руками его шею. Поцелуй получился коротким, немного неловким от их общего смеха, но Оливия всё равно задержалась в его объятиях на несколько счастливых мгновений.

— Ты хоть понимаешь, что я из-за тебя бросила учиться? — спросила она, отстранившись.

— Серьёзное обвинение.

— Очень.

— Что учила?

— Литературу.

— И что, совсем не готова?

— Я такого не говорила.

— Тогда проверим.

— Северин, даже не думай!

— Почему? Я могу оказаться полезным.

— Ты? По литературе?

— Обидно прозвучало.

Она рассмеялась, а Денис, не отпуская её руки, повёл к мотоциклу.

— Ладно, поехали.

— Куда?

— Увидишь.

— Ты всегда так отвечаешь?

— Только когда хочу сделать сюрприз.

Оливия покачала головой, улыбаясь. Он протянул ей шлем, дождался, пока она устроится позади него, и осторожно выехал со двора.

Они гуляли по старому парку неподалёку от набережной. День был ясный, по-летнему тёплый. Над дорожками раскинулись молодые кроны лип, под каштанами белели осыпавшиеся цветы, и ветер временами подхватывал с земли тонкий июньский тополиный пух. На площадке возле фонтана играли дети, из открытых дверей маленького кафе доносилась музыка, а на скамейках сидели пожилые женщины, с любопытством провожавшие глазами молодую пару.

Денис купил два мороженых в вафельных стаканчиках, и они пошли по аллее, держась за руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.